

Анна Попова

СОЛОТЧИНСКИЙ призрак

Анна Попова

Солотчинский призрак

«Издательские решения»

Попова А.

Солотчинский призрак / А. Попова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854008-0

События романа происходят в начале XX века в небольшом рязанском селе Солотча, где стали появляться призраки. Крестьяне связывают это с историей местного монастыря. После убийства губернатора из помещичьего дома призраками заинтересовались следователи окружного суда. Кандидату на судебные должности Петру Железманову и следователю Ивану Зазнаеву пришлось погрузиться в распутывание таинственной истории, где смешались крестьянские суеверия, старинные легенды, тайны Востока, споры из-за наследства.

ISBN 978-5-44-854008-0

© Попова А.

© Издательские решения

Солотчинский призрак

Анна Попова

© Анна Попова, 2023

ISBN 978-5-4485-4008-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фигура монаха перед глазами появилась неожиданно. Вот вроде бы не было никого, а вдруг перед глазами появилась фигура в черной рясе. С одной стороны, ничего удивительного – рядом монастырь. С другой стороны, фигура была какая-то странная: вроде как деревья через нее просвечивают, и не идет по земле, а плывет над ней, а точнее зависла и слегка колыхается. А с чего колыхаться? Ветра нет совсем. Веточки сосен замерли неподвижно. Агафья обмерла и, чтобы не упасть, оперлась рукой о ствол дерева. Женщина служила в господском доме кухаркой и сегодня отпросилась на пару часов, чтобы посетить праздничную службу. День выдался жаркий, солнышко припекало ощутимо, поэтому кухарка свернула с тропинки под покров сосновых веток – в тени все же идти легче. Несколько молодых сосенок прильнули ветками друг к другу и образовали что-то вроде шалашика. Шагнув под эти ветки, Агафья поняла, что зацепилась подолом юбки за сучок, нагнулась, чтобы отцепиться (юбку беречь надо – она денег стоит). Получилось это не сразу, но именно в тот момент, когда женщина подняла голову, она увидела фигуру в черном.

Монах парил над землей, и хотя он не приближался к кухарке, у нее от ужаса свело ноги: «Это он!» – поняла женщина. Призрак, о котором говорили жители рязанского села Солотча уже с полгода. Его уже видели не раз. Вот и Агафье довелось его повстречать. Она испуганно крестилась, но видение не исчезало.

– Изыди! – произнесла кухарка и перекрестила уже не себя, а призрака.

Однако призрак на крестное знамение не отреагировал, он никуда не собирался исчезать, а только перебирал руками четки, смиренно склонив голову.

– Чего тебе? Что ты тут ходишь? – пошла в наступление Агафья. Она была решительной женщиной, к тому же не обделенной физической силой и была готова дать отпор даже нечистой силе. Однако призрак вопрос оставил без ответа. Вместо этого он запустил руку в карман, достал молитвенник и стал читать. Впрочем, какую именно молитву произносили уста призрачного монаха, кухарка понять не могла, до ее слуха доносилось едва внятное бормотание. Женщина предприняла попытку убежать прочь, но в глазах у нее помутилось, и она потеряла сознание.

***

– Господа! Сегодня один из самых важных дней вашей жизни, – голос ректора Московского университета звучал торжественно, поднимаясь ввысь к самому потолку актового зала.

– Вам довелось учиться в стенах старейшего учебного заведения нашего Отечества. Теперь вам предстоит длинная дорога по выбранной стезе. На вашем пути будет немало сложностей и трудностей, ибо дело, которое вы выбрали – служение закону – не может быть простым. Однако это очень благородное дело, своей деятельностью вы должны нести обществу правду и справедливость, защищать невиновного и привлекать к ответственности виновного. Пусть знания, которые вы здесь получили, станут верной опорой для вас. Да сопровождают вас всегда упорство, верность служебному долгу и закону.

В актовом зале Московского университета 25 мая 1906 года шло торжественное вручение дипломов выпускникам юридического факультета. Лица молодых (а порой и не очень) людей были сосредоточены. Противоречивые чувства охватывали душу каждого из них. С одной стороны, распирало от гордости – цель достигнута, образование получено. Впереди служба, если повезет, то за очень неплохое жалование. В глубине души каждый уже представлял свое имя на передовицах газет в качестве успешного адвоката, принципиального судьи или на худой конец – прозорливого судебного следователя. Однако, с другой стороны, – закончились студенческие годы. Что может быть лучше беззаботных студенческих лет! Пусть бедных, наполненных напряженной учебой, страхом перед строгим экзаменатором, но зато в то же время каких беззаботных, веселых. Нет ничего крепче студенческого братства, нет ничего веселее студенческих посиделок.

После завершения официальных речей и вручения документов об образовании новоиспеченные юристы высыпали на университетское крыльцо.

– Господа! Свершилось! Мы – юристы! – раздался голос первого заводилы курса, большого остряка и шутника Александра Раевского. – Россия с надеждой смотрит на нас. Мы должны стать опорой в борьбе за законность и справедливость. Ура! Ура! Vivat Akademia!

– Ура! Vivat Akademia! – хор голосов подхватил слова Раевского, в воздух полетели студенческие фуражки. В порыве чувств Раевский кинулся обнимать своего однокурсника – Петра Железманова. Однако момент он выбрал не самый удачный: Железманов нагнулся, чтобы поднять упавший головной убор. В результате оба потеряли равновесие и чуть не упали.

– Осторожнее, Саша, – несколько остудил радостный пыл друга Железманов, – не хватало нам в такой день кости переломать.

– Грустишь? – присмотрелся, наконец, к состоянию товарища Раевский.

– Да, жалко, что расстаемся. Поверьте, друзья мои, мы сегодня прощаемся с самой прекрасной порой в своей жизни. Никогда мы не будем так беззаботны, как были в эти годы. Впереди служба, а это ответственность и немалая.

– Ты же сам мечтал побыстрее приступить к работе, говорил, матери с сестрами легче будет? – удивился Раевский.

– Так это я умом говорил, а душа хочет здесь навечно поселиться, – Железманов указал рукой на здание университета.

– А ты куда планируешь податься? – любопытство всегда отличало студента Раевского.

– Да вот дядюшка обещал выхлопотать мне место кандидата на судебные должности, – не стал делать тайны вчерашний студент.

– Где? Здесь, в Москве?

– Нет, где-нибудь в провинции, скорее всего – в Рязанском окружном суде. Начну с кандидата, а там, гляди, вакансия судебного следователя откроется.

– Давай, удачи тебе! А я планирую здесь, в Москве, попытаться к кому-нибудь в качестве стажера присяжного поверенного прикрепиться.

Прошло несколько недель. Дядюшкины хлопоты не прошли даром: выпускник юридического факультета Московского университета Петр Андреевич Железманов был назначен на должность кандидата на судебные должности в Рязанский окружной суд.

Рязань встретила новоиспеченного судебного чиновника мелким дождиком, но первое впечатление от города оказалось вполне благоприятное: солидное здание Дворянского собрания (вроде бы как самого Казакова), рядом мужская гимназия. Здание окружного суда на Астраханской улице тоже произвело впечатление: не очень большое (всего два этажа), но построено специально для суда. Причем построено не просто с учетом специфики судейской деятельности, но и явно со стремлением возвысить суд в глазах общества: солидные дубовые

двери, мраморная лестница, просторные коридоры – все подчеркивало важность действия, для которого эти стены предназначены.

Председатель встретил новичка доброжелательно:

– Работайте, молодой человек, работы у нас непочатый край. Пока еще рано говорить, что Россия вышла из тьмы правового невежества. Работайте и помните, что у Вас в руках мощное оружие – закон, а он требует аккуратного обращения. За каждым вашим решением судьбы конкретных людей, один неверный шаг – и вместо торжества закона будет беззаконие. А зарекомендуете себя хорошо – будем рады продвигать Вас дальше по службе. Вы себя кем в дальнейшем видите? Прокурором, адвокатом, следователем?

– Следователем, наверное, – пожал плечами молодой человек.

– Почему? Прельщает романтика?

– Да нет. Мне кажется, что кем бы я ни хотел стать, по любому надо начинать со следственной работы. Кем бы ты ни выступал в процессе – прокурором или адвокатом, все равно надо знать технологию следствия изнутри. Тогда только можно будет во всем разобраться. А потом это еще и стабильное жалование, не то что у адвоката, а мне надо матушке деньги посылать. Больше ей помочь некому.

– Хорошо, мне нравится Ваша аргументация. Я постараюсь Вас прикрепить к кому-нибудь из наших следователей, чтобы Вы могли у них набираться опыта. Приходите завтра в это же время, я подумаю над этим. А сейчас займитесь бытовыми вопросами. Решили уже, где остановиться?

Услышав, что жилищный вопрос пока не решен (багаж оставлен в гостинице), председатель дал совет, с чего начать поиски квартиры. Затем порекомендовал хорошо отдохнуть с дороги, осмотреть город, а потом приступить к служебным обязанностям.

Железманов вышел из здания суда и решил пройтись по городу. Перед ним возвышалось серое здание Живаго банка. «С размахом построили», – подумал Петр. Затем он перешел улицу и пошел вниз по Владимирской улице. Здесь его внимание привлекло красивое желтое трехэтажное здание. Его предназначение определить оказалось несложно: из-за ограды строем выходили девочки-епархиалки. Строй одинаково одетых девочек напомнил ему о доме в Твери и младших сестрах. Отец Петра умер, когда младшей сестре было чуть больше года, а самому Петру всего 12 лет. Железманов-старший был кадровым военным, участвовал в турецкой кампании 1877—78 годов, лично принимал участие в обороне Шипки. Но боевые действия в тяжелых горных условиях, ранение подорвали здоровье молодого боевого офицера. Ему пришлось демобилизоваться, вернуться в родную Тверь, где он погрузился в семейные заботы: вначале родился сын, потом, чуть погодя, две дочери. Холодный ветер Шипки на всю жизнь поселил любовь к теплу в доме не только в переносном, но и в самом прямом смысле. В доме никогда не экономили на дровах, топили жарко. Отставного офицера часто можно было видеть в кресле, пододвинутом к самой печке или камину, с газетой и кошкой на коленях, которая согревала ноющие при плохой погоде коленные суставы.

Однако окончательно восстановить здоровье Андрею Петровичу не удалось. Прожив полтора десятка лет после отставки, он покинул этот мир, не дожив до 40 лет. Сказать, что он оставил семью совсем без средств к существованию, значит соврать: семье полагалась небольшая пенсия. Конечно, ее хватало только на самое-самое необходимое, но еще помогал дядя – старший брат мамы. Правда, был он человеком сухим, служил в далекой столице в министерстве, кроме небольшой материальной помощи никак себя в семейных делах сестры не проявлял. Хорошо, что оплачивал образование ему, Петру, и сестрам. Они учились в лучших гимназиях Твери. Однако на душевное тепло от него рассчитывать не приходилось. Петру пришлось стать для девочек одновременно и старшим братом, и отцом: играть с ними, мастерить игрушки, чинить кукольную мебель, а когда они пошли в гимназию, то даже помогать с уроками и выбо-

ром книг для чтения. Поэтому вид девочек в одинаковых платьях вызвал у Петра и тревогу: как там без него дома?

В городе Железманов освоился быстро. Очень понравился Рязанский кремль, особенно величавый Успенский собор. Удивило внутреннее убранство этого храма: белые стены, иконы только на иконостасе. А сам иконостас – тончайшая деревянная резьба, Петр нигде больше не видел такой. Решение вопроса с жильем тоже не потребовало больших усилий. По совету сотрудников суда Петр смог снять наибольшую квартирку на улице Абрамовской в так называемой немецкой слободе – когда-то тут селились немцы, приглашаемые Петром Великим на работу в молодую империю. Как напоминание об этой трудовой миграции рядом с домом, где поселился молодой юрист, находился костел и, проходя мимо, Петр часто замедлял шаг, чтобы услышать торжественные звуки органа, а если время позволяло, то даже заходил внутрь. Улица была примечательна тем, что когда-то именно на ней жил знаменитый писатель Салтыков, публиковавшийся под псевдонимом Щедрин, а также обилием красивейших деревянных зданий с уникальной резьбой.

С работой было немного сложнее, но постепенно Петр Андреевич осваивался со своими должностными обязанностями, а они были достаточно разнообразны: от переписывания бумаг набело до составления проектов обвинительных актов. Если было время, то новоиспеченный кандидат посещал судебные заседания или просто читал старые уголовные дела.

Буквально на следующий день после поступления на службу в Рязанский окружной суд начальство, как и обещало, определилось с наставником для молодого юриста. Прокурор окружного суда пригласил Петра к себе в кабинет и представил его высокому стройному брюнету с офицерской выправкой:

– Вот знакомьтесь, уважаемый Петр Андреевич, это один из самых опытных наших следователей, Иван Васильевич Зазнаев. Он является выпускником Училища правоведения, служит уже 10 лет. Долгое время работал в уезде, а вот год назад мы его перевели сюда и очень рады этому. Следователь он знающий, опытный и нравственные его качества превыше похвал. Слышал, что ему осужденные аж из Сибири письма присылали. Благодарили.

– За что? – удивился Железманов.

– За то, что расследование вел объективно, лишнее не навесил, во время следствия опять относился к обвиняемому как к человеку, – пояснил прокурор.

– Ну, это было только пару раз, да и то, возможно, человеку скучно и тоскливо было в краю далеком, а написать некому было, вот он мне письмецо и соорудил, – смущенно произнес Зазнаев. У него был приятный мягкий баритон. «Интересно, а он поет? С таким голосом, вероятно, можно блистать не только на домашних концертах», – совсем не к месту мелькнуло в голове у Петра. А вслух добавил:

– Может и так, но мне кажется, что если бы фигура следователя вызывала неприязнь, то тогда даже при очень большой тоске писать не стали бы.

– Не знаю, возможно. А Вы тоже мечтаете о карьере следователя?

– Да, мне кажется, что для юриста это лучший путь профессионального становления.

– Ну, хорошо, коллега, постараюсь Вас научить всему, что постиг за это время сам.

Так начались будни молодого юриста в должности кандидата на судебные должности Петра Андреевича Железманова. Судебные уставы 1864 года вводили эту должность, предполагая формирование своеобразного института стажировки для молодых специалистов с дипломом, но без опыта работы, однако при этом не оговаривая, что именно входит в обязанности этого стажера. На практике это означало существование в режиме известного русского выражения «быть на подхвате». В этом плане статус новичка Железманова был даже менее стабилен и понятен, чем у кота Василия, обитавшего в коридорах первого этажа суда. Обычный дворовый полосатик с традиционной русской кличкой Василий (вот кто объяснит, почему в России коты традиционно кличут Васьками?) каждодневно возлежал на подоконнике недалеко

от швейцарской-дворницкой. Никому в голову не приходило прогонять его, ибо по негласной договоренности между кошками и людьми, заключенной еще в стародавние времена, обязанностью Василия было ловить мышей и крыс, которые вздумают изучать судебские бумаги (ох и прожорливые эти хвостатые гады, только чуть зазевайся – сожрут важный документ в деле). Поэтому хоть и не было предусмотрено в калькуляции, но дворникам даже выдавали какие-то копейки на покупку молока для зверя. Тот тоже старался блюсти договор, лоя грызунов, но делал это преимущественно ночью, а днем дремал на подоконнике рядом с дворницкой или в самом торце здания, где находились кабинеты следователей. На этом фоне стажер Петр Андреевич вел существование самое беспокойное: все рутинное и срочное, там, где не надо было особого опыта, но нужно было терпение и время, валилось на него. Нет, никому в голову не пришло бы приказать молодому сотруднику мыть мраморную лестницу, которая ведет на второй этаж, на это дворники есть. А на Петра Андреевича валились все то, что не успевали сделать следователи и прокуроры: переписка набело постановлений и заключений, сшивание дел, подбор материалов в архиве суда. Впрочем, с наставником ему повезло. Тот не просто разгружал себя от рутинной работы за счет новичка, но не ленился рассказывать, объяснять, показывать, охотно брал с собой на место происшествия (с одной стороны, поможет протокол осмотра составить, с другой – поучится, как это нужно делать), позволял присутствовать на допросах, в том числе и в тюремном замке, даже предлагал высказывать собственное мнение о возникающих версиях. Не забывал напомнить об интересных судебных заседаниях, которые стоит посетить, даже ограничивая в этих случаях объем рутинной работы. Словом, учил быть СЛЕДОВАТЕЛЕМ.

По прошествии года Петр Андреевич уже не чувствовал себя щенком, которого бросили в воду с целью научить в один присест плавать. Железманов уже многое понимал и знал из своего практического участия в следственной работе. Ему пришлось участвовать и в раскрытии грабежей, краж, мошенничества, подделки ценных бумаг. От своего наставника он и усвоил некоторые непреложные нравственные истины следственной профессии: всегда и все проверять до последней мелочи, не стремиться быстро закрыть дело при появлении первого подозреваемого, смотреть на людей, оказавшихся в орбите следственных действий, беспристрастно, невзирая на чины и звания. Надо сказать, что, несмотря на разницу в возрасте и опыте, мужчины быстро подружились. Оба были образованны, начитанны, любили как отечественную литературу (Чехова, Толстого, Тургенева), так и зарубежную, включая Мольера и Жюль Верна. Кроме того, оба были людьми творческими и даже были на короткой ноге с музами. Петр не ошибся, когда оценивал голос своего наставника, тот действительно был обладателем красивого баритона, любил исполнять романсы и песни, проникновенно передавая самую суть произведения, сам аккомпанировал себе на гитаре. Петр не пел, но хорошую музыку любил, а еще любил рисовать. В детстве он даже дополнительно брал уроки рисования и сейчас, когда следовательская судьба проявляла благосклонность и не приходилось вместо воскресного отдыха выезжать на место происшествия и разбираться в подробностях пьяных драк, Петр брал мольберт и шел в город писать с натуры. Надо сказать, что в этом плане дореволюционная Рязань радовала художника-любителя. Здесь было чем любоваться и что писать: вид на кремль со старинным собором и стройной колокольней, вид на заливные луга, а также некоторые городские здания вполне заслуживали кисти художника – деревянное здание летней городской Думы в городском парке, здание Дворянского собрания, а также здание Первой мужской гимназии. Очень Петру нравилось здание епархиального училища с нарядным крыльцом и уютным парком, но написать его не удавалось, так как от города здание было отгорожено красивой оградой, а стоять на узеньком тротуаре с мольбертом было совсем неудобно. Словом, со своим новым статусом и местом жительства Петр Андреевич вполне освоился и обвыкся. В Тверь шли полные оптимизма письма, где с восторгом описывался и сам город («право, не хуже нашей Твери, только нет такой широкой реки»), и люди, с которыми свело место службы («с моим

наставником Иваном Васильевичем мы даже иногда проводим воскресные вечера, благо живем на соседних улицах, я на Абрамовской, а он на Введенской, он приятнейший и очень знающих человек, у него есть чему поучиться»).

***

20 июля 1907 года Железманов пришел на службу как обычно за 15 минут до начала присутственного времени. Петр никогда не опаздывал, благо тогда Рязань не знала пробок, а идти с Абрамовской до Астраханской всего 15 минут. Подойдя к зданию суда, Петр потянул на себя тяжелые дубовые двери и прошел в холл. Там под толстыми стенами царила прохлада, летний зной не проникал сюда даже в самую сильную жару. Железманов автоматически свернул налево, перепрыгнул небольшую лестницу, которая вела в левое крыло здания, и пошел по коридору. В самом конце на подоконнике устроился Василий. Он честно отстоял ночную вахту, поймав весьма наглую мышь, и теперь довольный пристраивался поспать покрепче и подольше. Петр задержался на минутку, чтобы поздороваться с неофициальным сотрудником и почесать его за ушком. Приветствия были приняты благосклонно и оценены громким урчанием. После этого и рабочий день начинать приятнее. Сегодня Петру надо было закончить одну важную и срочную работу: по материалам уголовного дела составить обвинительного акта, который потом будет прочитан Зазнаевым, и если нареканий не будет, то можно будет переписывать набело, подшивать дело и передавать прокурору для рассмотрения в судебном заседании. Сроки поджимали (они и тогда довлели над следователями), поэтому прохлаждаться Петр был не намерен. Он прошел в кабинет и погрузился в работу. Он так увлекся ею, что даже не осознал, что работает в кабинете один: его друг, наставник следователь Зазнаев Иван Васильевич в служебном кабинете в положенный час не появился.

Зазнаева еще ночью вызвали «на труп». Вызов пришел в лице полицейского урядника из села Солотча. Урядник – один из низших чинов дореволюционной полиции. По своему статусу и полномочиям он может быть сопоставим с современным участковым. Согласно законам урядник должен был «охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, власти и общественного порядка». А еще на полицейском уряднике лежали обязанности контролировать, чтобы население не нарушало санитарные и противопожарные нормы.

Полицейский урядник из Солотчи приехал в Рязань в шесть утра и сразу отправился в окружной суд, где дворник подсказал, как найти квартиру господина следователя. Строго говоря, Солотча не входила в участок Зазнаева, так как располагалась за пределами города. Это был участок другого следователя, но тот уехал на две недели в отпуск к родне и поэтому все происшествия в беспризорном участке ложились на плечи Ивана Васильевича. Начальство вначале даже подумало, чтобы молодого кандидата на судебные должности назначить «врид» (временно исполняющим должность), но потом решили не спешить, рассудив, что Железманов и так разгружает следователя Зазнаева.

Ночному вызову Иван Васильевич не удивился – дело привычное. Только уточнил:

– Кого убили?

– Да гувернера из дома Сабанеевых, Григория Ведрова, дворник Василий Жуков его спьяну зарезал.

– Так что, убийца уже найден? – удивился следователь, впрочем, не сильно, в его практике такое бывало не раз: часто по своему умственному развитию преступник оказывался настолько неразвит, что оставлял кучу улик, позволяющих изобличить его без особого труда даже непрофессионалам. Именно в силу этого обстоятельства и «горящего» по срокам обвинительного акта, который он попросил составить Железманова, Иван Васильевич решил не тревожить по этому поводу молодого стажера и поехал в Солотчу один. Путь был не то чтобы дальний (чуть больше 20 верст), а хлопотный: лежал через Оку (в Рязани Ока проходит не через город-

скую черту, а течет чуть поодаль). Постоянного и устойчивого моста тогда в помине не было, оба берега связывал понтонный мост, который периодически сводился к одному из берегов, чтобы пропустить суда. Потом дорога лежала по открытому полю (хорошо, что рано утром вызвали – пока не наступило дневное пекло) и только уже почти у самой Солотчи начинался хвойный сосновый лес, легкие наполнялись изумительным ароматом хвои и смолы, а взор начинали ласкать ряды высоких стройных сосен. Пока ехали, Зазнаев с попутчиками – урядником и полицейским медиком болтали на отвлеченные темы, о происшествии не говорили намеренно. Во-первых, еще успеют, во-вторых, зачем обсуждать то, чего пока не видели?

Дом Сабанеевых находился почти в середине длинного села. Труп гувернера Ведрова нашли на заднем дворе. Тело лежало на спине, раскинув руки, мертвец смотрел застывшими глазами в безоблачное небо, на груди у него расплывалось красное пятно. Рядом находилось несколько пеньков – когда-то здесь спилили компанию небольших сосенок. Один пенек был повыше, два поменьше. Получилась классическая площадка для «разговора по душам». Причем на пеньке были даже следы этого разговора – пустой штоф с водкой, куски хлеба, пара огурцов и даже огрызок колбасы.

– Вот, ваше благородие, посмотрите, вот мертвый лежит, а он, значит, рядом сидел, спал как сурок, а в руках у него нож был, – путано пояснил урядник.

Прислуга из дома испуганно толпилась вдали. Хозяев дома было не видно.

– Не понял, кто рядом сидел?

– Да дворник, Жуков Василий, он спал, мы уж решили, что он мертвый тоже, а потом ближе подошли, а от него водкой разит и храпит он, а в руках у него нож, нож, руки – все в крови.

– Чисто русское убийство? – неожиданно спросил врач.

Этот термин о преступлении с национальным характером они со следователем Зазнаевым вывели давно. Под ним понималось бытовое убийство, когда на пьяной почве даже старинные приятели неожиданно начинают колошматить друг друга чем попало по чему попало, а утром один из них искренне удивляется, откуда взялся труп.

– Не знаю пока, – пожал плечами Зазнаев. – А сейчас этот Жуков где?

– Мы его в сарай отвели, связали и заперли, как бы не убил еще кого-нибудь. Он не проспался еще, ничегошеньки не соображает. Спит как сурок.

– Ладно, его потом допросим. Ты лучше скажи, а что это здесь было так принято, что гувернер регулярно пьянствовал с дворником?

– Не могу знать, вроде я ничего такого не слышал.

Зазнаев и врач приступили к осмотру места происшествия. Врач убедился, что перед ним именно труп, а не раненый, посмотрел зрачки, затем стал расстегивать одежду, осмотрел рану.

– Вот мы это в руках дворника нашли, потом здесь положили, – становой урядник протянул врачу окровавленный нож.

– Посмотрим, – сказал медик и снова склонился над телом.

– Иван Васильевич, – позвал он следователя, – похоже, это и есть орудие убийства.

– Кто-то видел этот нож ранее? – Иван Васильевич обратился к стоящей рядом прислуге – кухарке и двум девушкам, которые были в доме за горничных, а также к крепкому мужчине, который явно не был прислугой – хорошо одет и держится подобающе.

– Вроде как раз этот нож дворнику и принадлежал, – предположила кухарка, испуганно осеняя себя крестным знаменем.

– Да, я тоже видел этот нож у Жукова, – кивнул головой мужчина. Потом добавил:

– Статский советник Роман Семенович Петровский, родственник хозяйки дома. Служу в Петербурге, сейчас взял отпуск и провожу его в родовом имении у тетушки.

– И Вы лично видели этот нож у дворника?

– Понимаете, Жуков не только убирал во дворе, в его обязанности входило выполнять и всякую мелкую слесарную и плотницкую работу, крыльцо там подправить или гвоздь вбить, картину повесить. Поэтому у него нож был практически постоянно при себе. А также в доме имеется набор всех остальных хозяйственных предметов: отвертки, молотки, гвозди, топор. Все это было выдано в распоряжение Жукова. Так что его этот нож.

Зазнаеву не давал покоя другой вопрос:

– А часто дворник и гувернер вместе выпивали?

– За этим не следил, не знаю, но ведь мы не следим за прислугой постоянно. Место здесь скрыто от людских глаз, тихое, удобное для посиделок, может, и опрокидывали вместе стопку другую. По правде говоря, я несколько раз чувствовал, что от гувернера вином пахнет, даже хотел сказать об этом тетушке, негоже ребенка доверять пьянице, но вот не успел.

– А чьим пострадавший был гувернером?

– У моей тетушки Сабанеевой Марии Михайловны есть еще один племянник, точнее, внучатый племянник – Павлик, ему 10 лет. Он учится в гимназии в Рязани, зимой живет в пансионате, а на лето приезжает сюда, и вот на лето ему нанимают гувернера, чтобы, значит, пригляд был.

– Вы хорошо знали убитого?

– Нет, мы мало общались. У него свои дела, а у меня свои.

– А как же Вы заметили, что от пострадавшего вином пахнет?

– Ну, для этого достаточно просто столкнуться в коридоре.

Неожиданно в разговор вмешалась женщина в традиционной крестьянской поневе:

– Путаете Вы что-то, барин. Никогда я ни Ведрова пьяным не видела, ни Жукова. Василий – мужик работающий и место свое знает, если что надо по дому сделать, всегда делал, а чтобы с хозяевами пить, ему такое в голову прийти не могло. В праздники да, мог рюмку другую пропустить, но на то он праздник, да по любому в кабак бы он пошел. Не стал бы под забором пить. Он в этом месте покурить любил. Сядет вечером на этот пенек и дымит.

– А ты кто будешь? – поспешил уточнить Иван Васильевич.

– Агафья я, служу в этом доме кухаркой.

– Давно служишь?

– Да почитай лет семь уже.

– А дворник сколько служил?

– Он года три или четыре, я точно не помню, а учитель этот второй год приглашается. Он только летом у нас живет, чтобы за Павликом пригляд был, книжки там всякие ему читал, играли они вместе. Так он правильный был, я не замечала, чтобы он водку пил, при мальчишке был почти неотлучно.

– Ладно, это мы еще выясним, а пока осмотреться надо, – следовательно вернулся к осмотру. Он внимательно оглядел все пространство вокруг тела. Почва в Солотче песчаная, слегка припорошенная сосновыми иголками. На такой поверхности следы остаются даже при сухой погоде, поэтому было что изучать.

– Урядник, а что было на ногах дворника, когда Вы его нашли? – окликнул Зазнаев представителя органов правопорядка.

– В смысле обуви?

– Да.

– Так он в лаптях был.

– Точно?

– Точно.

– Он днем носил сапоги, а когда покурить выходил вечером, то обычно лапти надевал, – опять встряла Агафья.

– Нашли что-то интересное? – спросил врач.

– Думаю, что мы можем четко говорить о том, что драки не было, на песке обязательно бы остались следы, вернее, они были бы все смазанные, а тут следы подошв отпечатались достаточно четкие, одежда пострадавшего тоже чистая, на ней нет песка и хвои. И есть еще кое-что примечательное, вот гляньте сюда, – Зазнаев показал рукой в песок.

Врач посмотрел и произнес:

– Следы овальной формы, причем отпечатывается рисунок вроде как в крупную клетку, похоже, отпечаток лаптей, и владелец этих лаптей высокого роста. Дворник у нас большой, маленький?

– Не знаю, не видел пока, сейчас сходим посмотрим, вот только не заметили ли Вы одну особенность этих следов?

– Заметил.

Следователь и врач выразительно посмотрели друг на друга. Они оба заметили одну деталь, о которой пока лучше было не распространяться вслух на виду у всех остальных обитателей дома.

Осмотр места происшествия был закончен, настала пора познакомиться с подозреваемым. Урядник провел следователя и врача к сараю, дверь была заперта на классический висячий замок. Впрочем, эта предосторожность была лишней: когда дверь отворили, из-за нее раздался богатырский храп, дворник Жуков спал лежа на земляном полу.

– Эээ, любезный, вставай, – потряс его за плечи урядник. Но храпящее тело никак не реагировало на внешние раздражители. Оно продолжало издавать звуки во всех тональностях. Врач развернул спящего и попытался привести его в чувство старинным народным способом: стал растирать мочки ушей, но это помогло мало, дворник только на секундоочки приоткрыл глаза и снова заснул, издавая свист, стоны и хрипы.

– Бесполезно, надо дать ему проспать, – заключил медик.

При этом даже в полумраке сарая было видно, что руки дворника в крови и подозрительные пятна имеются и на рубашке. При этом также было нетрудно заметить, что природа не поскупилась на рост Жукова, на ногах были именно лапти. Поэтому в этой ситуации можно было сделать только одно: доставить Жукова в Рязань в тюремный замок, дать ему проспать, а потом уже допрашивать. Зазнаев отдал соответствующие распоряжения, урядник пошел искать, кто из крестьян мог бы снарядить свою лошаденку с телегой, чтобы доставить грузное спящее тело в город.

Следователю оставалось выполнить еще одну важную работу: надо было допросить всех обитателей дома. И логичнее всего начать с хозяйки усадьбы.

Хозяйка усадьбы, вдова титулярного советника Мария Михайловна Сабанеева пила чай на террасе. Убийство губернатора мало взволновало ее, молодой человек работал в доме мало, замену найти не очень трудно (вон сколько студентов на летних вакансиях мечтают подработать), поэтому с какой стати ей волноваться? Вот только шума от этих приезжих много, эти современные молодые люди все дурно воспитаны. Ранее даже не посмели бы вот так входить к ней в дом.

При виде пожилой дамы у Зазнаева возникли ассоциации с главной героиней «Пиковой дамы»: седые волосы, убранные в высокую прическу, колючий взгляд, белоснежные кружева и рука с целым рядом дорогих перстней, изящно держащая чашку с ароматным напитком.

– Что Вам угодно? Когда, наконец, закончится этот гвалт и посторонние люди уберутся из моего дома? – ворчливо произнесла дама, даже не поворачивая голову в сторону молодого человека.

– Я следователь Рязанского окружного суда Иван Васильевич Зазнаев и прибыл сюда, повинуюсь служебному долгу в связи с убийством губернатора Вашего внука Григория Сергеевича Ведрова. Посему я должен задать ряд вопросов, в том числе и Вам, – представился следователь.

– Мне? Помилуйте, а я тут причем? Если уж Ваш служебный долг обязывает задавать кому-то вопросы, то не могли бы Вы делать это где-то еще? Зачем беспокоить мою старость? – Сабанеева даже не считала нужным развернуться в сторону служителя закона.

Зазнаев понял, что увещевать и взывать к гражданской сознательности бесполезно, поэтому он просто обошел капризную даму, взял стул и сел прямо перед ней.

– Конечно, я могу задавать вопросы в своем служебном кабинете, тогда Вам придется отставить приятное времяпровождение и отправиться в Рязань. Согласитесь, это менее комфортно, чем ответить на мои вопросы прямо сейчас.

Старуха затряслась от возмущения, но выражение лица следователя было таковым, что она решила не связываться. Поэтому чашка с недопитым чаем была оставлена в сторону, но чтобы этот юный нахал не возомнил о себе слишком много, рукам было найдено другое применение: с низенькой табуреточки на колени была перенесена маленькая белая пушистая собачка, которую стали любовно поглаживать.

– Итак, давно у Вас служит гувернер Ведров?

– Мы его приглашаем только на лето. В остальное время года Павел живет в пансионате при мужской гимназии, а когда начинаются каникулы, мы приглашаем этого молодого человека: мальчиком некому заниматься, а если его оставить без пригляда, он будет бегать по всему дому и от него будет несносный шум.

– Павел Ваш племянник?

– Да, он сын сына моего старшего брата, сам брат преставился 15 лет назад, его жена умерла еще раньше, родители мальчика скончались три года назад, пришлось мне взять сироту к себе, я оплачиваю его учебу в гимназии, содержание в пансионате, нанимаю гувернера. Мне кажется, что свой христианский долг я выполняю сполна.

– Вы были довольны работой Ведрова?

– В целом да, он был вежлив, почтителен, Павлу тоже внушал соответствующее почтение, шума от детских игр почти не было.

– Вы не замечали за Ведровым каких-либо пороков?

– О каких пороках Вы говорите? Он был достаточно почтителен.

– Может, он любил выпить?

Пожилая дама с удивлением посмотрела на следователя:

– Выпить? Если бы я заметила, что он выпивает, я бы тут же его прогнала. Если он будет пить, то может ослабить контроль за Павлом, тогда тот будет шуметь. Я даже не помню, чтобы он курил.

– А что Вы скажете про дворника Жукова? Он давно у Вас служит?

– Давно, его нанимал еще мой покойный супруг, как и большинство прислуги, которая есть в этом доме. Он умел это делать и умел всех заставить достойно отрабатывать свой хлеб.

– То есть нареканий на службу дворника у Вас не были и пьяным Вы его никогда не замечали?

– Молодой человек, неужели Вы думаете, что у меня нет других дел, как следить за работой дворника? Я за тем и плачу ему жалование, чтобы он сам выполнял свою работу, а не я за ним следила.

– И сказать, общались ли дворник и гувернер, Вы тоже не можете?

– Молодой человек, я еще раз повторяю, что мне нет дела до такой ерунды, я плачу прислуге деньги за работу и не собираюсь загружать себя мыслями, как они ее выполняют.

«Понятно, кроме личного покоя тебя ничего не интересует, даже работу гувернера ты оцениваешь только по тому, как он не допускал шума от ребенка», – подумал Зазнаев, а вслух потребовал:

– Вам надо перечислить всех, кто живет в доме кроме Вас и Вашего племянника. Я так понимаю, что в усадьбе проживают несколько Ваших родственников?

– Да, собрались нахлебники на мою шею.

– Давайте более конкретно. Тут я познакомился с Романом Семеновичем Петровским.

Он тоже Ваш родственник?

– Да, он мой племянник, только он сын моего младшего братца. Тот давно уже преставился.

– Чем занимается Ваш племянник?

– Он служит в столице в Министерстве путей сообщения, временами бывает очень достойный молодой человек, разговаривает всегда вежливо, каждое утро мне здоровья желает, не то что эта Настена.

– Кто такая Настена?

– Это его младшая сестра. Ветреная особа, к тому же дерзкая, как все молодые люди сейчас.

– Сколько ей лет?

– 17. Пора замуж выдавать, еще одна моя головная боль. Может, этим летом получится сплавить нахлебницу.

– Все?

– Есть еще Николай, он сын моего среднего брата. Тоже не самый удачный представитель рода Сабанеевых, закончил факультет восточных языков в университете в столице, долгое время мотался по стране, сейчас решил осесть у меня, утром выходит на улицу и руками разводит. Стыдоба, хорошо, забор высокий, никто не видит, – на лице пожилой дамы отразилось презрение к пустому занятию племянника.

– Впрочем, мне уже немного осталось. Сколько я еще протяну на этом свете? Вот умру, пусть с ума тут без меня все сходят, – капризно добавила Сабанеева в качестве финальной реплики.

Зазнаев распорядился позвать Настену и Николая. Настена, вертлявая блондинка, тоже не выражала сожаления по поводу гибели гувернера.

– Я слышала, вроде его спьяну дворник зарезал, вот и поделом ему, будет знать, как пить с кем попало, – заявила она.

– А он ранее пил, да еще с дворником? – попытался уточнить Зазнаев.

– Мне нет дела до чужих выпивок, может и не пил ранее, тут решил напиться, – девица всем видом показывала, что ее абсолютно не волнует чужая смерть.

Николай тоже не стремился обогатить следователя подробностями из жизни гувернера, дворника и вообще дома Сабанеева.

– Я много лет провел на Востоке нашей страны, жил в Китае, а там не очень-то принято погружаться в дела других, – пояснил он. Но в чем он выразил сомнение, так это в том, что дворник и гувернер сели пить вместе:

– Григорий добросовестный был, он с мальчиком много занимался, они практически неразлучные были, вместе на речку ходили, в городки играли. Вообще, его наняли исключительно для того, чтобы мальчик другим не мешал.

Попытался поговорить следователь и с самим мальчиком. Павел был подавлен случившимся, скорее всего это был единственный человек, который по-настоящему огорчился смертью гувернера.

– Он хороший был, никогда на меня не кричал, не обзывал. Даже если я и сделаю что-то не так, то он спокойно и строго мне объяснял, почему я неправ, что я сделал неверно. Доходчиво так. А еще с ним было интересно. Он все время что-то придумывал, книги интересные давал, в городки мы с ним играли, в лес ходили, он меня учил слушать звуки леса.

– Какие звуки? – не понял Зазнаев.

– Ну как птицы поют, ветер шумит, почти как у Майн Рида, – пояснил ребенок, шмыгая носом. Было видно, что он с трудом сдерживает слезы.

– Хорошо, а вчера вечером ничего необычного не было?

– Нет.

– Вы в одной комнате спите?

– У меня в комнате такой шкаф стоит, там вроде как вторая комната, там Григорий и ночевал.

– Пошли, покажешь, – попросил следователь.

Как это часто бывает в помещичьих семьях, для детской было отведено не самое лучшее помещение. На самом верхнем этаже небольшая комната, выбранная по принципу «чем дальше от покоев старухи, тем лучше», служила детской. Кровать, стол, книжная полка, за шкафом еще одна кровать и также маленький стол, стул и керосиновая лампа – все это представляло собой небольшой островок личной свободы двух молодых душ.

Зазнаев осмотрел стол и вещи гувернера, сложенные в небольшой чемоданчик, задвинутый под кровать. Ничего необычного, недорогие, но добротные вещи: обувь, нижнее белье, канцелярские принадлежности. Книги по истории, географии, пара романов на немецком языке, все вполне легальное, никакой крамолы. Также никакого намека на вредные привычки: ни табака, ни бутылок с алкоголем.

– Как вчера вечер прошел? – настаивал на подробностях Иван Васильевич.

– Да как обычно. После чая мы обсуждали роман Жюль Верна «Таинственный остров». Григорий просил меня пересказывать, что я прочитал, спрашивал мое мнение о героях. Потом он мне сказал, чтобы я читал дальше, а сам сказал, что пойдет подышит воздухом, и вышел. Я уснул и больше его не видел.

– А ранее он так выходил подышать воздухом?

– Да, почти каждый вечер, иногда он возвращался быстро, иногда я уже засыпал, он приходил и выключал мне лампу. А тут утром я просыпаюсь, лампа погасла, но не потому, что ее выключили, а потому, что в ней керосин закончился, вот она и погасла. Я спустился вниз, а там уже Григория нашли и дворника нашего связали. Только я не верю, что это он Григория убил. Он не злой. Игрушки мне иногда помогал мастерить.

«Интересно, хоть кому-то было дело до этого ребенка? Только гувернеру и дворнику мальчик был небезразличен. Ведь сейчас никому нет дела до его душевного состояния, убили фактически его друга», – подумалось Ивану Васильевичу.

Все следственные действия были завершены, надо было возвращаться в город. Допросить дворника можно было не ранее следующего утра. Пока было ясно, что ничего не ясно.

***

В свой кабинет следователь Зазнаев вернулся только к концу своего присутственного времени. Железманова он застал в мрачном расположении духа.

– Ты что, обиделся, что я с собой на происшествие не взял? – спросил Зазнаев коллегу (уже пару месяцев они перешли на «ты»).

– Да нет, я понял, что у тебя сроки по этому обвинительному акту горят, я тебе проект написал, вот читай, – в голосе Петра Андреевича мелькнула горделивая интонация. Он протянул другу пачку исписанной бумаги.

– Спасибо, сейчас прочту, а чем ты тогда недоволен?

– Да у меня полчаса времени осталось, и я тут дело одно прочитал, – он показал на тоненькую папочку с пожухлой серой обложкой.

Если на службе выдавалось свободное время, то по совету Зазнаева Петр Андреевич читал старые уголовные дела. Что-то ему давал сам Иван Васильевич, а что-то молодой человек и сам откладывал, копаясь в судебном архиве. Порой это чтение производило сильнейшее впечатление. Так было и с этой тоненькой папочкой.

– Ну как такое могло быть? – продолжал возмущаться Петр Андреевич.

- Что тебя так встревожило? – не понял Иван Васильевич.
- Да я вот дело прочитал «О самоубийстве дворового человека».
- И что?

– Дело происходило еще до отмены крепостного права, 1848 год. Помещица обвинила своего дворового человека в краже тулупа и обещала сдать его в рекруты. Он, крайне не желая идти в солдаты, отправился ночью на мост, я только не понял на какой, и там нанес себе рану ножом. Пытался перерезать горло, но рука дрогнула, его нашли прохожие и доставили в больницу. Жизнь ему спасли.

- А возмущает тебя что?

– Так его же потом и судили за нанесение себе увечья, приговорили к наказанию плетьюми. Понимаешь, в деле нет ни малейшего намека на то, что кто-то пытался разобраться, насколько обоснованы были обвинения помещицы в адрес своего дворового, она довела его до этого, а его же и наказали, – кипятился Железманов.

- Какой, ты говоришь, год?

- 1848-й, а что?

– Ну, во-первых, это еще дореформенные времена, то есть до отмены крепостного права и принятия Судебных уставов 1864 года, которые несут великое нравственное начало, суть его как раз в том, чтобы не допустить подобного бездушного осуждения. Читая подобные дела, ты должен крепко уяснить, что как раз наша служба и была создана императором Александром Вторым, чтобы справедливо разбираться во всех обстоятельствах. Ты прав, здесь есть чему возмущаться, но, возмущаясь, надо делать выводы для себя лично, чтобы не допустить подобных фактов в своей работе. В каждой ситуации надо быть предельно внимательным ко всем людям, которые волей судьбы оказались в орбите следствия. А во-вторых, похоже, что ты обнаружил интересный факт. Ты живешь на улице, на которой жил Михаил Евграфович Салтыков, ты у него читал что-нибудь? Он публиковался под псевдонимом Щедрин.

- Читал про город Глухов.

– Ага, вот он это как раз писал, когда здесь служил. А еще у него есть рассказ «Миша и Ваня», так там примерно такой же сюжет: два дворовых мальчика решили покончить с собой, чтобы избавиться от издевательств своей барыни. Так же пошли на мост и так же пытались зарезаться ножом. Один мальчик погиб, а второго смогли спасти. Возможно, Щедрин прочитал это дело и придумал свой рассказ, только снизив возраст героев, так более трагично. Прочти, хороший рассказ, только печальный.

- Прочту, а какой мост, в рассказе указано?

- Нет, а в деле?

- Тоже нет. Я так понял, в Рязани несколько мостов?

– Да, есть вот здесь, на Астраханской, через Лыбедь, еще на Мясницкой, а еще есть Горбатый мост, он у Лазаревского кладбища. Да дело не в том, какой мост, а в том, что правосудие было в то время подобно бездушной машине, для которой люди из крепостных – вроде винтиков. Мы как раз призваны это искоренить. Закон должен давать защиту каждому, независимо от звания и благосостояния.

Потом, немного подумав, он добавил:

- Возможно, сейчас как раз есть повод на практике реализовать эти постулаты.

- Ты о чем? Вообще, куда ты выезжал сегодня?

Зазнаев кратко поведал о поездке в Солотчу:

– Вот знаешь, по первому впечатлению – это чисто русское убийство. Двое сели, выпили, поспорили, один другого сгоряча ударил ножом. Потом убийца уснул рядом с трупом прямо с ножом в руке, а труп остался остывать рядом.

– То есть ты нашел труп, спящего рядом подозреваемого, а следы застолья были? Что указывает на пьяную посиделку?

– Да, все. И штоф из-под водки пустой валяется, и закуска нехитрая осталась. Более того, от подозреваемого водкой разит, руки в крови, а в руках даже нож имеется. Врач сказал, что рана нанесена именно им, – слова Зазнаева звучали не просто устало, а безрадостно, даже несколько безнадежно.

– А чем ты тогда недоволен? Вроде и в самом деле «чисто русское убийство»? – не понял Петр.

– Да понимаешь, не складывается тут что-то. Во-первых, сами фигуранты. Убитый – гувернер, человек образованный, любитель романов на немецком языке, а подозреваемый – дворник, человек неграмотный, ни одной книжки в жизни не прочел.

– Ну так они не литературу обсуждать встретились, а выпить, или ты считаешь, что два таких разных по социальному и образовательному уровню человека вместе пить не будут?

– Да нет, совместная выпивка тут возможна, и не такое бывало, проблема только в том, что они оба непьющие были, ну не пили они вообще, ни друг с другом, ни поодиночке. С чего вдруг взяли и напились вместе и еще подрались? Правда, один из племянников этой Сабанеевой, Петровский, утверждает, что видел пару раз гувернера нетрезвым. Но у меня есть сомнение по этому поводу.

– Почему?

– Да ты знаешь, от человека иногда может пахнуть алкоголем, ну при некоторых болезнях, мне врач однажды объяснял это. К тому же этот Петровский очень своеобразный тип. У меня такое ощущение, что он только и думает, как сказать о ком-то плохо. Больно высокомерно себя держит.

– Мог просто так сказать, просто из-за желания сказать гадость?

– Ну, вроде того.

– Надо самого этого дворника расспросить обо всем, – разумно предложил Железманов.

– Правильно, вот завтра и спрошу, пусть пока в камере проспится.

– А я с тобой?

– Да неплохо было бы. Давай я посмотрю, что ты написал, потом решим.

Зазнаев погрузился в чтение, Петр устался в окно. Минут через 15 Иван Васильевич поднял голову:

– Молодец, толково написал, у меня только пара замечаний есть.

Он начал пояснять молодому коллеге, что надо подправить, тот внимательно слушал, а потом предложил:

– Слушай, а давай я сегодня вечером дома набело перепишу, а потом завтра утром подожью, и вместе пойдем в тюремный замок этого дворника допрашивать.

Ой, неправильно это – выносить из здания служебные бумаги и переписывать их дома! Но тогда представления о режиме секретности были намного либеральнее, чем сейчас, и брать работу домой предосудительным не считалось, такое встречается в мемуарах известных судебных деятелей, поэтому ничего криминального для своего времени молодой стажер не предложил. И также поэтому Иван Васильевич легко согласился:

– Давай, мне проще будет, а тебе наука. А сейчас по домам, давно уже пора, присутственное время уже час как закончилось.

Оба пошли по пустому коридору суда, провожаемые недовольным взглядом Василия, мол, чего тут ходят, когда их время уже истекло и мое давно настало? Понятно, что его статус ночного директора никто оспаривать не собирался.

Утром Петр прибежал в суд за полчаса до начала присутственного времени, ему очень хотелось как можно скорее подшить обвинительный акт в дело, чтобы его наставник обязательно взял его на допрос в тюремный замок. Когда Иван вошел в кабинет, листы были практически подшиты. Зазнаев еще раз пролистал дело, поставил, где надо, подписи и понес его про-

курору. Потом, когда одно дело подошло к своему логическому концу, можно было заняться и новым делом.

Тюремный замок в Рязани находился по меркам начала XX века довольно далеко от здания суда, впрочем, оба эти учреждения и по сей день размещены в тех же зданиях и их расположение уже не воспринимается как очень удаленное, пешком можно дойти. Но в 1908 году для маленького города они были близки к позиции «на другом конце» или «через весь город». Поэтому наши герои приехали на извозчике.

Трудно сказать, многое ли изменилось в тюремных стенах за столетие. Конечно, стало больше комфорта: провели электричество в камеры, центральное отопление, современную канализацию, но все так же сопоставляются камеры на южную и северную сторону и, самое главное, так же царствует здесь тревога и неопределенность, порой переходящая в безысходность.

В помещение для допроса арестованного Жукова конвоир привел, поддерживая под руки. Дворника заметно шатало, причем штормило порой так, что он даже вынужен был опираться на стены, и конвоир даже помог ему сесть на табурет.

– Что, плохо тебе? Может, водички? – в голосе Зазнаева смешались сочувствие и ехидство.

– Зачем? – непонимающе переспросил арестованный.

– Чего зачем? Водички зачем? Так небось сушняк мучает с похмелья?

– С какого похмелья? Не пил я вчера, и пить не хочу, я спать хочу. Зачем, ироды, разбудили?

– Затем, что ты вчера человека убил по пьяни.

– Кого это я убил? Да и не пил я вчера!

– Гувернера Григория Ведрова ты убил, вчера вас обоих нашли на заднем дворе, ты лежал мертвецки пьяный, а он реально мертвый, его ножом пырнули, ТВОИМ ножом, его даже у тебя в руках нашли, весь окровавленный, а на пенечке лежали пустой штоф водки, закуска. Вроде как выпивали вы вместе, – монотонно убеждал Зазнаев.

– Да не убивал я его, барин, и не пил. Я вообще только по праздникам употребляю, а уж с гувернером этим мне что пить, он человек образованный, у меня своя жизнь, а у него своя, – Жуков несколько оживился, словно просыпаясь на ходу.

– А это твоя вещь? – Зазнаев положил на стол нож, который вытащил из бумажного конверта.

Жуков посмотрел на нож так, как будто увидел живого скорпиона, потом кивнул головой:

– Мой, вот тут даже зубринка на рукоятке имеется. Мой, бесспорно мой.

– А что же он в крови?

– Не знаю, я им даже куриц не резал.

– Так мы можем узнать, кровь человека на нем или птицы, – подал голос Железманов. Он был прав, наука на тот момент уже научилась отличать кровь человека от крови животного, даже о группах крови человечество уже знало. Другой вопрос, могли ли сделать такое исследование в маленькой провинциальной Рязани, но подозреваемому это знать было совсем не обязательно.

– Все равно не я этого гувернера зарезал, я его даже и не видел вчера, я днем в Рязань ездил, гвозди покупал, к вечеру только приехал.

– А кроме гвоздей в Рязани ничего не покупал? – задал новый вопрос Зазнаев.

– Нет, а что я мог покупать?

– Водку, например.

– Да говорю же я: не пью, ну если только по праздникам, – видимо, дворнику слегка полегчало, он стал активнее защищаться.

– А убитый?

– Что убитый?

– Он пил?

– Да не знаю я, может и пил. Я за ним не следил.

– Хорошо, когда в усадьбу вернулся?

– Да часов шесть уже было.

– Что делал?

– На кухне с бабами посудачил, потом поел, мне Агафья шей налила, потом чай пил, ну то се, помню, пошел покурить я на задний двор, там присел на пенек и все, больше ничего не помню. Проснулся уже здесь, давно так не спал и сейчас голова мутная какая-то.

– А кто же тогда Ведрова убил, если ты ни при чем? – опять встрял в разговор Железманов.

– Так его это, наверное, призрак убил. Точно он!

– Кто?! – в один голос вскричали Зазнаев и Железманов.

– Призрак.

– Какой призрак?

– Такой, который уже как более полугодом ходит у нас. Из монастыря, наверное, приходит. Вроде как дух убиенного монаха, который за государственное дело пострадал.

Далее дворник начал нести потрясающую чушь: якобы уже полгода жителей села Солотча пугает призрак, его видели многие – и мужики, и бабы, и ребяташки. Говорили, что эта душа убиенного монаха, который был убит, так как узнал о государственной измене и хотел донести, так вот изменщики, тоже монахи, его и убили, в лесу закопали, а теперь душа мается, успокоения просит, ибо пострадал за благое дело.

– Задушили они его. Вот взяли веревку и задушили. Вот он так теперь и ходит с этой веревкой на шее. Душит она его. Он ходит, стонет, руками шею трет. Веревку снять пытается. Говорят, что если кто ему в этом поможет, ну, снимет эту веревку, то тогда его душа упокоится и не будет он больше ходить, – закончил свой ужасный рассказ дворник. Было видно, что к своему рассказу он относится весьма серьезно и в самом деле верит в то, что рассказывает.

– А ты его сам лично видел? – спросил Железманов.

– Упаси Господи! Нет, Бог миловал, – испуганно перекрестился задержанный.

– Так откуда тогда это все? Может, кто выдумал, а ты и взаправду веришь?

– Нет, не выдумки это, он и в самом деле приходил, у нас его несколько человек видели.

– И что, никто не помог снять веревку? – Зазнаев не мог удержаться от ехидства.

– Ну да, подсобишь ему, а он тебя за собой утащит! Наши так сказывали.

Единственно, что напоминало реальность в этом бредовом повествовании – было наличие самого Рождество-Богородицкого монастыря в Солотче. Мимо него проезжал каждый, кто следовал по Владимирскому тракту: красивые здания в стиле нарышкинского барокко XVII века просто не могли не привлекать внимания своим нарядным и торжественным видом. И вот согласно рассказам дворника из этого древнего монастыря стал появляться призрак, который пугал всех подряд. Выслушав этот рассказ, друзья переглянулись. Потом вдруг Зазнаев неожиданно спросил:

– Жуков, а ты пройтись сейчас можешь?

– Как пройтись? – не понял подследственный.

– Ну, просто встань и пройдишь от двери к окну и обратно. Не спеша, как обычно ты ходишь.

– Ты, ваше благородие, решил, что я умом тронулся?

– Да ничего я не решил, можешь встать? Давай делай, что тебе говорят.

Дворник нехотя встал, его опять слегка качнуло, но потом он смог привести тело в горизонтальное положение и сделать пару шагов. Видимо, постепенно его болезненное состояние

проходило и ему удалось достаточно ровно проследовать по указанному маршруту, его уже штормило меньше, он практически не заваливался на стены.

– Ладно, достаточно, иди пока в камеру, можешь дальше спать, а нам подумать надо, – распорядился Зазнаев.

Арестованного увели. Оба следователя замерли в задумчивости.

– Ты что-то понял? Что он про призрака вещал? – наконец нарушил тишину Железманов.

– В том-то и дело, что ничего не понятно. Ты что думаешь, когда я ему выговаривал, что, мол, это ты человека убил, я был уверен, что это именно так?

– Не знаю, со стороны было очень убедительно, – пожал плечами Петр Андреевич.

– Это я для виду, проверял его, как он будет реагировать на такие обвинения. А так вопросов как было полно, так и осталось. После допроса у меня сомнений еще больше стало.

– Поясни, – попросил стажер.

Они уже покинули тюремный замок и автоматически пошли пешком, так как души обоих рвались к разговору, а извозчик был при этом раскладе явно лишним. Они шли по Московской улице в сторону Базарной площади и по пути разговаривали.

– Во-первых, ты обратил внимание, что от дворника не пахло перегаром? Обычно когда разговариваешь с теми, кто чисто русское убийство сотворил, запах стоит, что хоть святых выноси, так пахнет перегаром. А тут этого не было, плюс еще воды не попросил, как это обычно бывает с похмелья, – пояснял свои сомнения Иван Васильевич.

– А вчера от него водкой пахло?

– В том-то и дело, что да, пахло и сильно, словно он часть не выпил, а на себя разлил.

– Но ему ведь плохо сейчас было, его аж шатало вначале, – обратил внимание Железманов.

– Шатало, я тоже заметил, но во время разговора ему лучше стало, похмелье так быстро не проходит.

– А что проходит?

– Не знаю, вроде как спал очень крепко и не сразу проснулся. И еще один момент. Я тебе вчера не успел рассказать, я его не просто так по камере заставил ходить.

– Да, я вот тоже хотел спросить, а зачем? Не понял я, – продолжал удивляться Железманов.

Друзья вышли к Базарной площади, сегодня день был будний, торговля шла, но не так бурно, как в воскресный день. У торгового ряда рядом с «обжоркой», как обычно, спали в ряд местные босяки, ожидая, когда кому-нибудь понадобится дешевая рабочая сила, чтобы погрузить или разгрузить товар. У некоторых прямо возле головы, в пыли, пальцем была выведена цифра, то есть за сколько копеек имеет смысл будить данную рабочую единицу, чтобы она встала с земли, отряхнулась, ну, может, и не отряхнувшись, пошла переносить мешки и корзины. «Обжоркой» же называли закусочную для самых бедных. Желаящий решить проблему голода платил копейку за вход и мог есть столько, сколько влезет. Конечно, ассортимент этого импровизированного шведского стола был самым невзыскательным: вареный ливер – печень, почки, легкие.

Пройдя шумную базарную площадь, друзья свернули на Почтовую. Здесь было тихо и степенно, лавки предназначены для солидных кошельков, публика соответствующая и немногочисленная по причине летней жары. Свернув на теньевую сторону, коллеги продолжили разговор.

– Просто я вчера одну вещь при осмотре места происшествия заметил, – стал рассказывать Зазнаев. – Убийство произошло на площадке, покрытой сухим песком, там следы отпечатываются хорошо даже в сухую погоду. Так вот там четко отпечатались туфли потерпевшего и еще остались следы вытянутой овальной формы с крупной клеткой.

– Такие следы вроде лапти обычно оставляют, наш дворник как раз в лаптях, – прикинул Железманов.

– Правильно говоришь, – согласился Зазнаев. – Размер этих отпечатков большой и наш дворник не маленький, но есть одно большое НО... Дело в том, что один отпечаток чуть поглубже, а другой чуть помельче, то есть явно две ноги, но глубина следа разная, чуть заметно, но это видно. Понял, к чему это?

– Подожди, ты вроде мне однажды говорил, что такие следы с разной глубиной оставляют хромые, – медленно проговорил Петр Андреевич.

– Правильно, я поэтому и отправил дворника пехом при мне ходить, чтобы посмотреть на его походку. Его хоть и продолжало штормить, но хромоты я у него не заметил, – четко поставил точку Зазнаев.

– Это можно проверить, – предложил Железманов. – Можно врача позвать, пусть осмотрит нашего задержанного. А еще можно эксперимент провести: во дворе песка насыпать, водой полить и попросить дворника пройти, пусть следочки оставит, а ты посмотришь, похоже или нет.

– Дельная мысль, завтра это организую, а сегодня пусть оклемается окончательно, пусть его обычная походка будет, только неясно, с чего ему так погано было, – согласился Иван Васильевич.

– Но плохо было, и с чего это он вдруг про призрака плел? Ты знаешь, но мне почему-то кажется, что нам не вредно про этот монастырь побольше узнать, кажется, я в архиве даже дело видел про убийство монаха Солотчинского монастыря, – предложил Петр.

– Да? Так и было «про убийство монаха»?

– Да вроде так стояло на титульном листе. Год только давний, при Екатерине Второй еще дело было.

– Сомневаюсь, что это имеет значение, но если хочешь, найди это дело, прочитай.

– Я, кажется, знаю, у кого еще про этот монастырь можно поспрашивать, – предположил стажер. – У нас тут целое археографическое общество имеется, так что спросить есть у кого.

– Пообщайся, если есть сомнения, то их надо разрешать, но, по правде говоря, я в призраки не верю, поэтому не думаю, что это что-то даст, но запрещать тебе не буду. Всегда надо проверять все версии, даже самые бредовые, которые возникли в голове. Тем более что нам в голову просто так ничего не приходит, всегда есть какие-то основания, – согласился Иван Васильевич.

Они давно уже прошли Почтовую, свернули на Астраханскую и теперь подходили к зданию суда: производственное совещание как раз закончилось вместе с дорогой. А в кабинете пришлось погрузиться до конца присутственного времени в другие дела, никогда не было так, чтобы следователь вел одно дело. Петр даже не нашел ни минутки, чтобы найти дело, которое когда-то попадалось ему на глаза: дело об убийстве монаха Солотчинского монастыря.

***

Вечером Железманов поспешил в кремль, там в одном из зданий находилось помещение Рязанской архивной комиссии, практически каждый вечер там можно было застать местного историка Степана Дмитриевича Яхонтова. Яхонтов был одним из наиболее образованных и душевных людей своей эпохи и города. Он преподавал в ряде учебных заведений, создал первый в городе музей, благодаря ему рязанцы по сей день могут гордиться своим архивом. Первый знаток рязанской истории и собиратель древностей, именно он мог дать ответы на вопросы, которые возникли в голове Железманова. Оба были немного знакомы. В провинциальном губернском городе образованных людей бывало не так уж много и все в той или иной степени знали друг друга. Вот и Петр Андреевич немного знал Яхонтова, они даже время от времени

раскланивались у здания епархиального училища, в котором Яхонтов преподавал, а Железманов мимо шел на службу.

– Добрый вечер, молодой человек, рад Вас видеть, – поприветствовал молодого стажера Яхонтов. В антураже старинных книг Степан Дмитриевич выглядел старше своих лет.

– У меня возник один вопрос, не могли бы Вы рассказать про монастырь в Солотче? Нет ли какой легенды, связанной с ним? – попросил Петр Андреевич.

– Не знаю, что Вы называете «легендой», но Рождество-Богородицкий монастырь и в самом деле отличается старинной историей. Возник он давно, считается, что его основал Олег Рязанский, тот самый, что правил в те годы, когда Дмитрий Донской собирал русские земли на борьбу с золотоордынским игом. Олег Иванович был в трудном положении. Прямою поддержать Донского он не мог: в случае поражения в решающей битве карательные войска были бы направлены именно на рязанские земли как на самые близкие к границе. Поэтому он заигрывал с Мамаем, а сам втайне от него послал свое войско на Куликово поле в подмогу Донскому, но в то же время всегда опасался, что вдруг его обман раскроется и придется спасаться бегством. На такой случай он и основал монастырь в Солотче. То есть стоит он с конца XIV века, и, по легенде, между монастырем и кремлем, в котором мы сейчас находимся, был прокопан тайный ход, чтобы можно было быстро бежать от врага и укрыться за стенами монастыря.

– А где этот тайный ход?

– Этот ход пока еще никем не найден, да и был ли он – загадка, может, это всего лишь легенда. Конечно, сама версия о необходимости строить укрытие и иметь с ним связь выглядит логичной, но, с другой стороны, никто этого хода никогда не видел. Может, и был, но засыпали в более поздние времена. Все постройки, которые Вы сейчас видите, были сотворены значительно позже.

– Когда?

– В XVII веке, монастырь строил известный зодчий Бухвостов, большая умница и талант, это один из лучших авторов своего времени. Вы сейчас прошли мимо Успенского собора, он тоже творение этого человека. Вот об этом могу Вам сказать с большой уверенностью, – закончил рассказ Яхонтов.

– А больше никаких легенд нет, может, захоронен кто в этом тайном подземном лазе, может, кто из монахов когда-то в таинственной истории был замешан? – не унимался Петр.

– Что Вы имеете в виду?

– У нас один задержанный говорит о призраке Солотчинского монастыря, вроде как в давние времена был заговор против государя и монах этот заговор разоблачил, и его за это убили. Душа его осталась неприкаянной, и теперь людям жить мешает, – начал раскрывать карты Железманов, но председатель археографической комиссии только покачал головой:

– Нет, мне пока таких историй не попадалось. Я слышал, что вроде среди солотчинских крестьян пошли разговоры про призрака, но это случилось совсем недавно, не более полугода, ранее я ничего подобного не слышал и, самое главное, в документах мне ничего из области сверхъестественного не встречалось.

– А я вот в архиве, в нашем судебном, видел дело, там на обложке так и обозначено «об убийстве монаха Солотчинского монастыря», – поделился информацией стажер.

– А само дело Вы прочитали?

– Нет, не успел, времени много нужно, дело XVIII века, а тогда писали несколько иначе, чем сейчас, надо вчитываться.

– Это верно, – согласился Степан Дмитриевич. – Старые документы требуют много времени и большого терпения, история это вообще наука не для скороспелок, я подобной истории не слышал, если поделитесь – буду признателен. Если будут трудности с прочтением записей

XVIII века, то не стесняйтесь, приходите, помогу разобраться. Только вряд ли такой призрак существует.

Осталось только поблагодарить за консультацию и уходить. День клонился к концу, купола старинных соборов играли в лучах низкого солнца, река Трубеж едва была видна из-за буйно разросшейся листвы.

На следующий день друзья опять отправились в тюремный замок, захватив с собой полицейского врача. По дороге тот рассказал о результатах вскрытия:

– Смерть наступила от удара ножом, попали прямо в сердце, удар был один, сильный и твердый. Действовал человек физически развитый, ваш дворник как раз подходит. Кстати, рана, еще раз скажу, вполне могла быть нанесена именно тем ножом, который мы осматривали в усадьбе.

Осмотр задержанного много времени не занял. Невооруженным взглядом было видно, что признаки вчерашней хвори с Жукова сошли, он чувствовал себя вполне нормально, больше не шатался, можно было проводить эксперимент с отпечатками.

– Вполне нормальный здоровый организм, хромоты у него не наблюдается, кстати, признаков алкоголизации тоже, может, и выпивает временами, но в меру, руки не трясутся, сосуды лица в норме, – сделал заключение врач.

– Доктор, а вчера его так шатало, прямо буквально поддерживать приходилось. С чего это? – спросил Железманов.

– Не могу Вам ответить. Тем более что вчера я его не осматривал, может, обычно он не пьет, а позавчера напился, потому ему так плохо и было.

– Так от него не пахло перегаром.

– Не знаю, может, и опоили чем, – пожал плечами медик.

– Яд?

– Возможно. Ряд названий я Вам, конечно, назвать могу, но подтвердить или опровергнуть это предположение не смогу, время ушло.

Пошли в тюремный двор, где надзиратели посыпали дорожку песком и полили водой из лейки.

– Жуков, пройди по песку, – попросил подследственного Зазнаев.

– А зачем это, Ваше благородие? – испугался тот.

– Пройди, не капризничай, может, ты после этого домой пойдешь, а не по Владимирке, – подключился к уговорам Петр Андреевич.

Жуков пожал плечами и, чуть поколебавшись, все-таки пошел по песку. Когда следы были готовы, оба следователя склонились над песком. Оба следа от правой и левой ноги были одинаковой глубины!

Значит, на заднем дворе был кто-то третий, значит, все сомнения Зазнаева были обоснованы. Значит, надо искать дальше. Самым логичным шагом в этой ситуации был новый допрос дворника. Поэтому его проводили в камеру и приступили к новым вопросам.

– Скажи, а у тебя враги есть?

– У меня? Нет, я мирно живу, никому вреда не делаю, все у меня есть, отбирать мне нечего.

– А у гувернера Ведрова враги были?

– Да я не знаю, он вроде только с Павликом и общался, вроде не ссорился он ни с кем. Я в их барскую жизнь не лезу, зачем мне? Грызутся они меж собой, мне что с этого, мое дело двор мести, гвозди забить, когда надо. Вот и все. Я и в комнатах барских мало бывал. Все больше на дворе или в сарае.

– А что, баре часто ссорились?

– Да почти постоянно. Там все из-за состояния старухи этой. Муж у нее пару лет помер, детей никогда не было, зато у нее полно всякой родни от братьев, вроде эта Марья Михайловна

она там седьмая среди детей, вот у нее племянников полон дом. Они постоянно ругаются, кому что достанется.

– При живой хозяйке дома?

– Так она сама масла в огонь подливает, постоянно стравливает их, все грозитя: тому наследство дам, тому нет. По два или три раза на неделе грозитя за нотариусом послать. Чуть кто не так посмотрит, так орет, вот я ничего тебе не дам, а кто ей в какой миг глянется, то она сядет в кресле, задумчиво собачку свою поглаживает и произносит, мол, отпишу я тебе шка-тулку золотую. И еще любит изображать, что умирать собрались: схватится за грудь и голову и начинает стонать, причитать: «Я умираю, умираю». Вот в доме только и разговоров об этом.

– Так ты вроде в доме не бываешь?

– Ой, в кухне бабы только об этом и судачат, да и порой такие визги и крики начинаются, что и в дом заходить не надо, в самой Рязани слышно, поди. То сама старуха орет, то Настена вопль поднимает. На прошлой неделе кто-то картину перевесил, так старуха кричала так, что самой худо сделалось.

– Что сделал? Картину перевесил? Зачем? – не понял Зазнаев.

– Да я сам ничего не понимаю. Вроде как призрак в доме шалит, то безделушки переставит, то картина исчезнет какая-нибудь, потом появится, говорю, призрак балуется. А старуха на всех по очереди думает.

Конечно, про призрака выглядело весьма сомнительно, а вот наследство – это вполне реальный мотив. Только причем тут гувернер мальчика? Почему убили именно его? Самым простым было, почему подставили именно дворника: сильный, да и в версию, что именно дворник мог напиться до потери человеческого облика, поверить было проще всего. Увы, простые люди и в самом деле досуг часто проводят с бутылкой, особенно среди тех, кто оторвался от земли и подался на заработки. Труднее было понять, кто и как ухитрился подставить Жукова.

– Скажи, а тебя когда в сон начало клонить? – задал очередной вопрос Железманов.

– Да не помню я.

– Нет, тебе лучше напрячься и вспомнить. Что последнее помнишь?

Дворник долго думал. Потом произнес:

– Как курил на заднем дворе. Сел на пенек и закурил. Все, дальше темнота, ничего не помню.

– А ел ты в тот день на кухне?

– Так я всегда ем только на кухне.

– Кто заходил на кухню? Кухарка тебе щи наливала?

– Она.

– А больше никто не заходил? Может, сам куда выходил?

– А зачем мне выходить? – Жуков не понимал, что от него хотят. – Не виновен ни в чем я, барин. Отпустил бы ты меня.

– Ну как тебя отпустить, когда все против тебя, тебя с телом рядом нашли. В крови. С ножом в руках. Поэтому тебе сейчас не упрячиться надо, а вспоминать, ой как вспоминать.

Дворник обиженно насупился, но потом вдруг лицо его просветлело:

– А ведь Дунька заходила.

– Кто?

– Дуня, горничная, в доме работает.

– Зачем заходила?

– Да даже не понял. Вроде как спросить что-то хотела.

– А спросила?

– Да нет. Так, потолкалась чуток, тарелку мне поставила поближе, хлеб нарезала.

– А с чего такая забота?

– Да не знаю, может, нравлюсь я ей.

– А она тебе?

– Не знаю, хотя девка она справная, руки откуда надо растут, и красивая к тому же.

Становилось ясно, что реальная возможность подсыпать что-нибудь в пищу дворнику была. Кто это сделал? Дуня? Но зачем это нужно горничной? Каким образом прислуга может быть вовлечена в дележку наследства?

Вопросов возникало все больше и больше, сомнения в виновности дворника, которые зародились при его аресте, крепи. Самое логичное, что можно было сделать в этой ситуации – это подробно и обстоятельно допросить дворника не только о нем лично, но и обо всем происходящем в доме. Призрак – это, конечно, бред, но с чего этот бред появился? Зазнаев ни в какую мистику не верил, в делах уголовных он был крепким материалистом: все зло творят сами люди, самое необъяснимое всегда рано или поздно находит вполне практическое и реалистичное объяснение. Посему надо детально работать со свидетелями, начиная от дворника и кончая владелицей усадьбы. Однако продолжению допроса помешали: в дверь камеры для допроса постучали, и надзиратель доложил:

– Ваше благородие, там посыльный из полиции пришел, внизу дожидается, говорит, очень важная и срочная информация для Вас.

Пришлось отправлять подследственного в камеру, а самим спускаться в караульное помещение. У двери топтался знакомый урядник из Солотчи:

– Ваше благородие, у нас новая беда!

– Что случилось?

– Кто-то по голове Дуню ударил, мы ее нашли без сознания и голова у нее в крови.

– Дуню, горничную в доме Сабанеевой? – насторожился Иван Васильевич. Имя этой девушки уже звучало сегодня второй раз. И получается, что неслучайно.

– Да. Вот сегодня утром хватились, а ее нет, пошли искать, а она как неживая у колодца лежит. Вначале подумали, что все, мертвая, потом поняли, что живая, сюда привезли в больницу, – растерянно произнес урядник. Его можно было понять: за такой короткий промежуток времени два таких ЧП. Что начальство скажет?

– А кто Дуню привез? Ты один?

– Нет, там двое мужиков наших, солотчинских. Они сейчас в больнице, я велел им туда без меня ехать, а сам в суд кинулся Вас искать, но мне сказали, что Вы тут. А мужикам я велел никуда без меня не уходить, в больнице ждать.

– Ладно, пошли в больницу, по дороге доскажешь, – распорядился Зазнаев.

***

Идти в больницу из тюремного замка было недалеко. Городская больница находилась на соседней Семинарской улице. Земство старалось помогать в ее развитии, ремонтировало, обновляло корпуса, поэтому для своего времени она находилась в отличном состоянии. В холле была только строгая медсестра в форменном платье и белом переднике и белой косынке с красным крестом.

Зазнаев начал спрашивать ее о раненой девушке.

– Ее сейчас врач осматривает, но она была без сознания, вряд ли она сможет отвечать на Ваши вопросы, господин следователь, – ответила девушка. Следователя она знала, так как и ранее ему приходилось бывать в этом лечебном учреждении по служебным вопросам.

– А где крестьяне, которые ее привезли?

– На улице, во дворе дожидаются, они тут курить принялись, вот я их и прогнала.

– Так, Петр, давай так. Ты найди врача, узнай, что с раненой, когда с ней можно поговорить, и вообще спроси о характере ранения, может, доктор что полезное скажет. А я с мужиками пообщаюсь, – распорядился Иван Васильевич.

Петр, следуя инструкциям медсестры, пошел разыскивать врача. Доктор к этому моменту уже освободился и писал что-то у себя в кабинете.

– Добрый день, доктор. Я из окружного суда, меня зовут Петр Андреевич Железманов. Могу ли я задать Вам пару вопросов по поводу раненой, которую к вам сейчас привезли из Солотчи? – начал стажер. Впрочем, ему и ранее приходилось в одиночку допрашивать свидетелей, и он уже научился, не робея, правильно начинать разговор.

– Попробуйте, но боюсь, что я мало чем могу помочь Вам, – кивнул головой врач. Покрасневшие глаза выдавали бессонную ночь.

– Каков характер раны пострадавшей? Она пришла в себя? Когда ее можно будет допросить?

– Девушку ударили по голове чем-то тяжелым, возможно камнем.

– Ударили спереди или сзади?

– Сзади, допускаю, что, скорее всего, она даже не видела, кто это сделал. Допрашивать ее сейчас нельзя, она без сознания, мы перевязали ее, поместили в палату, остается только ждать.

– Она все время была без сознания? Может, она приходила в себя на минуточку и что-то говорила? – Петр не терял надежды поймать хоть какую-то зацепку.

– Нет, молодой человек, не приходила, только временами стонала и все.

– А когда она придет в себя можно прогнозировать?

– Нет, такие прогнозы делать я не берусь. Рана достаточно серьезная, выживет ли или нет, даже это сказать не берусь. Бывало, что после таких травм люди оставались в живых, но жить могли только в Голенчино, – развел руками медик.

В Голенчино в Рязани находилась и находится по сей день психиатрическая лечебница. Да, грустная перспектива, как и у юной девушки, так и у следствия. Впрочем, у следствия все же появилась какая-то ниточка. Когда Петр повернулся к двери, чтобы уйти, врач неожиданно вспомнил:

– Да, чуть не забыл, вот возьмите, – он протянул Железманову небольшую красную кисточку.

– Что это? – удивился тот.

– Не знаю, это было зажато в руках раненой.

– А больше при ней ничего не было?

– Нет, только это, зажато в ладони. Мы даже не сразу заметили.

С этой добычей Петр отправился на улицу искать Зазнаева. У того тоже состоялся небезынтесный разговор. Солотчинских крестьян нашел он быстро: они стояли на улице рядом с телегой и курили.

– Это вы привезли девушку из Солотчи? – уточнил Иван Васильевич.

– Мы, а ты кто будешь, Ваше благородие?

– Это следовательно, на его вопросы надо отвечать и говорить только правду. Если не знаешь, то так и сказать, что не знаешь, а не врать, – поддержал авторитет следствия урядник.

– Меня зовут Иван Васильевич, я прошу быть внимательными, говорить по существу, ничего не привирать и вспоминать старательно. Вы знаете, где и когда нашли Дуню?

– Около колодца во дворе. Нашли рано утром.

– Кто нашел?

– Кухарка Агафья, пошла за водой и вот, смотрит, Дуня лежит, а голова в крови. Она кричать принялась, такой переполох начался.

– А она, эта кухарка, не видела, кто девушку ранил, может, встретила кого?

– Нет, не говорила. Только плакала все время.

– А когда вы Дуню сюда везли, она ничего не говорила?

– Так она в беспамятстве была, стонала только, а говорить ничего не говорила.

– А может, есть какие-то соображения, кто ее так? Может, она поругалась с кем? – следователь тоже надеялся зацепиться хоть за какую-нибудь ниточку.

– Да нет, она тихая была, смиренная.

– Так кто же ее мог ранить?

– Так это, Ваше благородие, и так понятно, – пожал плечами один из крестьян, причем, произнеся это, он имел такой вид, что абсолютно все и так понимают, кто ранил несчастную горничную, и только недотепа следователь не понимает такой простой вещи.

– Да? И кто же? – всполошился Зазнаев.

– Как кто? Призрак, – равнодушно пожал плечами крестьянин.

– Какой призрак? – уже не очень удивленно спросил следователь, про призрака он слышал сегодня второй раз. Значит, это не бред, значит, и в самом деле что-то непонятное происходит в этой Солотче.

– Наш призрак, призрак Солотчинского монастыря, уже какой месяц покоя не дает, – пояснил второй крестьянин.

– Давайте более подробно. Когда этот призрак стал появляться, как выглядит, кто его видел, что ему надо? – потребовал Зазнаев.

Как уже говорилось, в мистику он не верил, поэтому к информации о призраке подходил обычно как следователь, то есть просто-напросто требовал подробностей.

– Так месяца с три или больше его стали примечать, видели его многие, и бабы, и ребятишки, вон кухарка Агафья его тоже видела. Приходит он из монастыря, говорят, там давно, лет 150 назад, вроде как монах какой-то узнал про заговор какой-то против царя или царицы, вот его заговорщики и зарезали. Теперь его душа и мается, – крестьянин говорил достаточно буднично и только временами в его голосе звучал страх. Человек привыкает ко всему, к страху тоже.

– А что же он сейчас стал приходить? Ведь ранее его вроде никто не видел? – не понял Зазнаев.

– А кто же его знает? Может, опять какую большую беду чует? Может, война будет, – растерянно ответил мужчина.

– А раньше перед войнами он приходил? Ведь воевали с турками, с японцами? – Зазнаев все попытался понять логику крестьян.

– Значит, будет какая-то очень большая война, такая, какой ранее не было, много людей погибнет.

– Ладно, это я понял, а как этот призрак выглядит? Может, он кому-то что-то говорил?

– Говорить он ничего не говорит. Шипит вроде.

– Как шипит? А выглядит он как?

– Да выглядит как обычный монах в рясе с посохом, голову так смиренно вниз склонит, только иногда глаза поднимет и как прожжет взглядом. Говорят, что те, кто на государя покушались, пришли ночью и перерезали горло, поэтому у него на шее красная полоса, и из-за этого он ничего сказать не может, пытается, но у него ничего не получается, шипит только, – понизив голос, произнес один из крестьян.

– А что пытается сказать неизвестно?

– Это он пытается назвать имена этих, ну как их, а, заговорщиков. Вот если кто сможет расслышать и вслух повторить имена, то тогда заклятье с него упадет, и он успокоится и не будет никого пугать.

Второй крестьянин, который помоложе, замахал руками:

– Ты говори, но не ври, какой монах? Какой заговор? Никто этому призраку горло не резал! Крестьянин это, в портках и рубахе, босой, правда, и в самом деле молчит, только голову не опускает, а смотрит прямо на тебя и так страшно смотрит. Говорят, его жинка топо-

ром порешила, чтобы с полюбовником своим сбежать, поэтому в голове у призрака топор и он его рукой придерживает, вроде как вытащить пытается.

– А помочь вытащить не просит? – неожиданно спросил Зазнаев.

– Нет, просто держит и все, – ошарашенно ответил крестьянин.

– Сам ты врешь, точно я говорю, монаха видели, не зря рядом монастырь, вот наверняка там и заговор готовился, вот душа покоя и ищет, – пошел в наступление первый крестьянин.

– Вот ты точно врун, каких свет не видел, не слушайте его, Ваше благородие. Врет он! Точно говорю, крестьянин это был. Его, может, и убили. А то про монастырь негоже такие вещи говорить. Святое место это! Не святотатствуй!

Спор грозил перерасти в самую обычную перепалку, поэтому Зазнаев решительно оставил мужиков:

– Ладно, хватит ругаться. Скажите, вы оба лично этого призрака видели?

– Нет, не довелось. Он в первую очередь к бабам является. Вот они и говорили про монаха, – отрезал старший.

– А мне соседка говорила, что он в портках и рубахе был, как крестьянин, – продолжал настаивать младший.

– А почему вы решили, что он Дуню ударил, до этого призрак нападал? Вы говорите, что он просто появляется и все? – не мог понять следователь.

– Так кому же еще? Раньше мы тихо-мирно жили, никаких призраков не было, и не убивали у нас никого, ну разве два года назад Митяй по пьяни жинку свою зарезал, а так не было у нас ничего подобного, а как призрак этот появился, так кровушка и начала литься.

Логика была просто убойной, но следователь понял, что больше ничего от крестьян он не добьется. Он отпустил их домой. В этот момент как раз вернулся Петр и стал рассказывать, что удалось узнать от врача. Оба они задумчиво крутили в руках красную кисточку. Она была небольшая, чуть больше вершка, сделана из шелковой тонкой нити.

– Как ты думаешь, откуда это? – спросил товарища Иван Васильевич.

– Похоже вроде как на кисточку от абажура, – задумчиво произнес тот.

– А может, от одежды?

– Если только от красной шали, – предположил Петр. А потом спросил:

– Выходит, дворник не убийца?

– Да, похоже, похоже, что нам его предлагают как пустышку, обманку. Кто-то обставил все так, чтобы мы думали на дворника, могли подсыпать сонного порошка, вложить в руки нож. Только пойми теперь, кто вокруг этой тарелки шей крутился, – согласился Зазнаев.

– Тогда Жукова надо отпускать?

– Надо, и отпустим обязательно, только чуть позже.

– Почему? Ты сам говорил, что человек не должен страдать от ошибок следствия, что следствие не должно уподобляться механизму, который перемальвает судьбы людей!

– Говорил, – кивнул головой Иван. – И буду еще тебе не раз повторять, что всегда нужно думать о людях, не кидаться на первую попавшую версию, вот от нас преступник такое и ждал. Но пока дворник в тюрьме, то преступник думает, что мы ему поверили, и не будет осторожничать. Поэтому дворнику пару дней придется оставаться у нас, а мы пока поработаем.

– Но ведь он в тюрьме!

– Зато на казенных харчах, я не думаю, что это продлится долго. К тому же есть большая вероятность, что, увидев дворника на свободе, преступник захочет убить и его. Лучше быть в камере, но живым.

В наши дни рассуждения Зазнаева могут показаться слишком жестокими. И в самом деле, сейчас нельзя не согласиться, что держать в камере человека, виновность которого под большим сомнением и эти сомнения растут как снежный ком, это жестоко и даже преступно. Но в те дни представления были другие, и не было службы по охране свидетеля. Поэтому рас-

суждения Ивана Васильевича не были чем-то из ряда вон. Между тем его мысли вернулись к улике:

– Нам надо искать того, у кого есть красная шелковая шаль. И скорее всего это житель дома Сабанеевых, причем явно не из прислуги, – предположил он.

– Почему?

– Шелковая шаль явно не по деньгам прислуге, абажур, кстати, тоже. Да и мотивом обоих преступлений, скорее всего, является то самое наследство, про которое дворник говорил, – пояснил Зазнаев.

Оба они уже покинули здание больницы и шли по Семинарской в сторону суда.

– А ты думаешь, что оба преступления связаны между собой? – спросил Петр Андреевич.

– Не знаю, пока таких явных признаков нет. Но, с другой стороны, в одном доме в очень короткий промежуток времени происходит два тяжких преступления – убийство и покушение на убийство. Вот пока не укладывается у меня в голове, что это случайно, – покачал головой Зазнаев. – Опять в обоих случаях говорят об этом призраке, правда, все по-разному.

– А ты что думаешь о нем? Мне что-то не верится, что это нечистая сила, – скептически произнес Петр.

– Мне тоже, но такие слухи на пустом месте не возникают, что-то тут есть, но что именно, пока понять трудно, так же трудно понять, вообще имеет ли это отношение к преступлениям.

– Что делать будем?

– Надо ехать в усадьбу и допрашивать опять всех и вся. Только плохо, что в этом доме так много спеси, что на ранение и смерть прислуги даже внимания не обращают, никто не даст себе труда давать показания нормально. Обойдутся общими фразами, типа отстаньте, не мешайте нам.

– А может, и умышленно будут молчать. Думаю, что там есть что скрывать, – уверенно заявил Петр.

– Скорее всего, да, дворник говорит, что они все время ругаются, ругаются из-за наследства, словом, гадюшник там первосортный, а в таких случаях следствие вести очень тяжело, все врут, лицемерят, трудно понять, где правда, где умышленная ложь, где искреннее заблуждение, – развел руками Зазнаев.

– Эх, неплохо бы информацию изнутри пособирать, – мечтательно произнес Петр.

Друзья подошли к концу Семинарской улицы, пересекли Соборную и продолжили путь по Астраханской. Тень здания Дворянского собрания давала желаемую прохладу.

– Это как? – не понял Иван.

– Да так, изнутри, негласно. Инкогнито: ну, устроиться в этот дом под видом прислуги, что ли, и начать за всеми следить, всё про всё узнавать, – продолжал фантазировать Железманов. Чтение приключенческой литературы в детстве и сейчас воздействовало на воображение.

Зазнаев задумался:

– Нет, конечно, это было бы хорошо. Но вот как это сделать? У нас не Москва, у нас в городе даже сыскного отделения нет.

Следователь был прав. Шел 1907-й год, буквально через год и пару месяцев появится закон, по которому во всех губернских городах будут создаваться сыскные отделения. Но это произойдет в будущем. А пока таких отделений всего несколько штук на страну: в Москве, Одессе, Петербурге. Там имелась агентура, сотрудники, которые проводили оперативные комбинации, внедрялись, втирались в доверие к преступникам. Большинству следователей Российской империи даже не приходилось мечтать об этом, помощь от полиции в расследовании дел часто была чисто номинальной. Специальных подразделений по оказанию оперативного сопровождения следствию не было, поручения по розыску преступников часто оставались без внимания, ибо у сотрудника полиции и так свое начальство, а дел и поручений самых различных выше головы. Поэтому внедряться было некому.

Неожиданно Петр предложил:

– А давай я в усадьбу поеду, устроюсь там на работу и все разведваю.

Зазнаев аж остановился от такого предложения. Внедряться следователям в преступную среду было более чем не принято!

– Кем же ты туда устроишься?

– Можно дворником, а еще лучше гувернером, ты же сам говорил, что ребенок по большому счету никому не нужен. Вот сейчас там как раз и стоит задача найти нового гувернера, чтобы на мальчика можно было совсем внимания не обращать, – горячо предлагал Петр.

– Ну, в роли гувернера я тебя еще могу представить, а в роли дворника ну никак, руки белые, лицо интеллигентное. С метлой никак не вяжется, – язвительно заметил Зазнаев.

– Ну вот, как раз я могу гувернером и наняться, – не уловил язвительного замечания стажер.

– Ну слушай, как ты поступишь? Ведь тебе еще и с мальчиком надо заниматься, ты с детьми-то можешь обращаться?

Впрочем, эта фраза Ивана Васильевича звучала уже не очень скептически. Можно заметить, что тогда представления о педагогической деятельности были не очень развиты, даже в гимназиях преподавали люди без педагогического образования, а в гувернеры и репетиторы шли все кому не лень, кто не смог приискать себе более оплачиваемого занятия. Самым распространенным способом студенческой подработки было именно репетиторство, занимались с отстающими товарищами или с гимназистами. Впрочем, не редкостью была ситуация, когда гимназист-старшеклассник помогал за небольшую плату делать уроки или подчищать «хвосты» ученику младшего класса. Поэтому предложение Петра было не так уж фантастично, к тому же у него был еще один аргумент:

– Ты не забывай, я двух сестер вырастил, играл с ними, уроки делал. Так что знаю, как с детьми работать.

– Ну, так это девочки, а мальчики другие игры предпочитают, – Зазнаев возражал уже не так уверенно, хотя в чем он прав, так в том, что детские игры начала XX века по гендерному признаку четко разделялись. Мальчики играли в свои игры, девочки – в свои. На это у Железманова был свой аргумент:

– Ну и что? Главное, чтобы в принципе понимать, как с детьми общаться, а с мальчиками я тоже занимался, когда студентом был. А потом, я сам кем в детстве был? Не мальчиком, что ли? Ну, давай попробуем? Интересный же вариант получается.

Словом, к тому моменту, когда друзья открывали тяжелые дубовые двери окружного суда, начинающий стажер практически убедил своего старшего товарища в своей правоте. Теперь осталось самое сложное и главное – убедить в этом прокурора окружного суда. Вот это было и в самом деле нелегко. Еще раз напомним: в традициях XX века об оперативном внедрении как о методе поиска преступника знали очень мало. Тем более что это не могло быть применимо для следователя, для кандидата на судебные должности тоже.

– Да что вы такое удумали! Ваше дело учиться, знакомиться с практическими приемами расследования уголовных дел. Читать дела, писать проекты документов. Я слышал, что у Вас это вроде неплохо получается, – замахал руками прокурор, когда друзья возникли у него в кабинете с необычным предложением.

– Вот таким образом я лучше и научусь практическим приемам ведения следствия, – начал уговаривать Железманов.

– Знаете, мне тоже кажется, что в этом есть смысл. Преступление явно совершил кто-то из обитателей усадьбы, причем не из прислуги, а из господ, то есть преступник образован, умеет замечать следы. Обычными методами мы может ничего не добьемся, – поддержал друга Зазнаев.

– А кто же будет помогать здесь в суде? – аргумент прокурора был весьма весомый, в обязанности кандидата на судебные должности не входило играть в сыщики, а вот разгружать следователей по негласной традиции он был просто обязан.

– Да я и без него справлюсь, у меня сейчас нет большого количества дел, да и ненадолго это, всего дня на три или четыре, – продолжал настаивать Иван Васильевич.

Это невероятно, но два следователя, начинающий и опытный, смогли уговорить прокурора окружного суда сделать неслыханную по тем временам вещь: дать добро на внедрение в усадьбу кандидата на судебные должности под видом гувернера для сбора негласным образом информации, могущей иметь значение для следствия.

После этого сложного разговора Зазнаев отправился в Солотчу: надо было провести следственные действия по поводу нападения на горничную Дуню. Но эта поездка, как ожидалось, мало что дала. У колодца было обнаружено несколько гладких камней, кроме того, из песка на поверхность выходили корни стоящих рядом сосен. Полностью исключить, что девушка споткнулась о корень и ударилась о камень тоже было нельзя. Хотя тогда травма была бы не сзади, а спереди, но рана у девушки была именно на затылке, а не на лбу. Но мало ли как можно упасть? Опросив обитателей усадьбы, Иван Васильевич услышал серию однотипных показаний, что никто ничего не видел, что девушка была спокойная, добросовестная, ни с кем не конфликтовала. Убивать ее было не за что. Следователь не особо верил в несчастный случай, как-то не укладывался у него в голове несчастный случай через пару дней после убийства, но убеждать свидетелей он в этом не спешил. Зачем? Так следствие вести проще. Не прояснилась ситуация и с вопросом, кто мог подсыпать снотворный порошок в еду дворника. Единственно, что кухарка не стала отрицать, что Дуня и в самом деле заходила на кухню, когда дворник обедал.

– Сохнет она по нему, это видно, а теперь она в больнице, он в тюрьме, – вздохнула женщина.

***

Железманов в это время занимался другим делом. Для устройства на работу в качестве гувернера нужна была рекомендация, диплом о педагогическом образовании был совсем необязателен, сойдет и диплом об окончании юридического факультета, а вот рекомендация была обязательна. Причем написать ее мог любой. Лишь бы имя этого любого хоть что-нибудь значило для окружающих. Было решено попросить помочь с этим Яхонтова.

Степан Дмитриевич преподавал в ряде учебных заведений Рязани, имел хорошую репутацию педагога, честного и порядочного человека. Понятно, что поначалу просьбу следователей он принял в штыки:

– Вы меня толкаете на обман, молодой человек. Это нехорошо, – возражал он.

Однако Петр Андреевич не зря собирался стать следователем и более года пробыл в стажерах: убеждать он уже успел научиться. Через полчаса пылких речей о том, что данный обман нужен для пользы торжества правосудия, что страдания двух несчастных требуют отмщения, а дворник – полного оправдания и свободы, возымели свое действие. И на следующее утро в усадьбу прибыл выпускник юридического факультета Железманов Петр Андреевич, не имеющий места службы, но имеющий рекомендацию от учителя, Степана Дмитриевича Яхонтова.

При приезде в Солотчу Петр Андреевич ждал пристрастного расспроса со стороны хозяйки усадьбы. Вопросы, конечно, были. В частности, старуха спросила, почему он не пошел служить по юридической части. Пришлось придумать на ходу, что в юридической профессии очень важно соблюдать все формальности, а ему хочется творчества и свободы. Словом, поступление на юридический было ошибкой, а работа с детьми дает кров, пусть небольшой, но устойчивый заработок и свободу творчества. Для пущей убедительности добавил про жела-

ние в будущем поступить на работу в гимназию. Мария Михайловна слушала эту речь, подозрительно сощуриив глаза, а потом распорядилась:

– Позовите Павла.

Пришел мальчик:

– Здравствуйте, бабушка, – в том, как это было сказано ребенком, четко чувствовалось, что между бабушкой и внуком отношения установились сугубо официальные, домашним теплом и ласкою тут не пахнет.

– Павел, это твой новый гувернер. Слушайся его.

Потом добавила, уже обращаясь к Петру:

– Вы должны крепко усвоить, что хозяйкой дома являюсь именно я. Только я решаю тут все вопросы, а также Вы должны помнить, что в Вашу задачу входит следить, чтобы Ваш подопечный вел себя тихо и никому не мешал. Все шумные игры, прятки, догонялки извольте осуществлять в лесу за пределами усадьбы.

В это момент мальчик чихнул. И это вызвало немедленную реакцию пожилой женщины. Однако это была не та реакция, которая свойственна бабушкам, когда при них чихают внуки. Обычно в таких ситуациях заботливо интересуются здоровьем, суетливо прикладывают ладонь ко лбу, чтобы проверить наличие повышенной температуры. В данной ситуации не было ничего подобного:

– Чего это ты тут расчихался? Нечего заразу разносить! Вдруг Жули от тебя инфекцию подхватит? – запричитала женщина, прижимая к себе собачку. – Да и я уже старая, мне любая инфлюенция может быть крайне опасной. Что у вас, молодых, вызывает простые чихи, меня может отправить в мир иной.

– Извините, бабушка, я случайно, – потупив взгляд, проговорил ребенок.

После этого был сделан жест рукой, который обозначал, что аудиенция закончена и оба молодых человека могут идти.

«Да, оригинальная особа. Она не дала никаких указаний по поводу воспитания мальчика, содержания его образования, все свелось только к одному – следить, чтобы от ребенка не было шума. Более того, она не проявила никакого внимания к внуку, когда он чихнул. Для нее главное – здоровье ее псинки! Даже про меня она почти не спросила. Такое ощущение, что и меня она оценивала не с точки зрения моих педагогических способностей, а по тому, способен ли я что-то украсть», – подумалось Железманову, когда он выходил из комнаты.

– И не опаздывайте к обеду, – раздалось в спину последнее указание.

Петр Андреевич прошел с мальчиком к нему в комнату. Павел показал свою комнату и указал на кровать за шкафом:

– Вот тут раньше Григорий спал.

– Ладно, я тоже здесь устроюсь, – согласился следователь, понимая, что выбора просто нет. А потом спросил:

– Я так понимаю, что Марья Михайловна строгая женщина?

– Да, она решает все, но главное, ей не мешать и не шуметь, тогда она не будет ругаться. Но Вы правы, остальные ее боятся.

– А остальные это кто? Вообще, много в доме народу? Меня еще никому не представили, ты бы мне подсказал, что ли, а то попаду в неловкое положение.

– Кроме слуг, меня и Марьи Михайловны тут еще три человека. Мой дядька, Роман Семенович Петровский, он служит в столице в министерстве каком-то, я точно не знаю. Все время что-то читает в своей комнате. Есть еще один дядька, Вернов Николай Сергеевич. Он долго жил на Востоке, в Китае, поэтому у него в комнате много всяких восточных штучек. Он даже по утрам китайскую гимнастику делает, а бабушка на него за это ругается.

– Китайскую гимнастику?

– Вроде как повторяет движения животных и птиц, но он мало об этом распространяется.

– Такой необщительный?

– Нет, просто я для него совсем ребенок. У него есть еще слуга китаец. Его зовут Ли. Он его из Китая привез. Вон Ли мне помог змея сделать.

Мальчик кивнул головой на стену, где на гвоздике висел воздушный змей с красивым лохматым пестрым хвостом из тонкой бумаги.

– А кто еще есть? Ты говорил, что три человека? – не унимался Петр. Его расспросы выглядели вполне невинно, но имели дальний прицел.

– Еще Анастасия Семеновна, она младшая сестра Петровского, тоже Петровская. Она совсем молодая, только недавно гимназию закончила.

– А сейчас что делает?

– Ничего. Или целый день читает, иногда в лес ходит, гуляет, вышивает иногда.

Поговорив еще немного, Железманов еще раз убедился, что до ребенка никому особо дела не было. Главным для всех было, чтобы он не мешался во время каникул, не создавал шума, не путался под ногами, не задавал никому не нужных и глупых вопросов. Собственно, поэтому и приглашался летом гувернер: чтобы он занимал ребенка, следил, чтобы тот вел себя тихо. За содержанием образования, кругом чтения Павла также никто не следил, все это отдавалось на откуп гувернеру. Впрочем, все это имело место только в каникулярное время. Когда в гимназии шел учебный процесс, ребенок постоянно находился в Рязани, в пансионате на Владимирской улице. Со слов мальчика было понятно, что он ждет конца каникул, так как в Рязани у него были друзья, а педагоги пансионата и гимназии порой проявляли большую любовь и заботу, чем он имел в отеческом доме.

«Хорошо, что еще не особо жадничают: оплачивают содержание в гимназии, гувернера нанимают, книги покупают», – подумалось Железманову. Но все равно ребенка ему было очень жалко. Он очень хорошо понимал, что в детстве ласка, любовь, обычное участие в делах не менее важны, чем полноценный стол и удобная кровать. Его детство не было этим обделено. Детей в семье Железмановых любили, в меру баловали и ласкали. Когда не стало отца, источником домашнего тепла и уюта стала одна мать. Петр изо всех сил старался добавить за отца домашнее тепло своим сестрам. По любому в доме все друг друга любили, заботились друг о друге, старались поддерживать во всем. Даже став студентом, и покинув Тверь, Петр все время чувствовал тепло родного дома, оно шло из писем, домашних посылок, пусть редких, но с заботой собранных.

Затем Петр стал расспрашивать мальчика о его занятиях с гувернером. Выяснилось, что на каникулах они ежедневно занимались французским, иногда делали упражнения по русскому (чтобы не забыть). Также почти каждый день ходили гулять в лес. Когда было тепло, купались в Старице, а если вода была холодная, то просто играли на берегу. Много времени занимало чтение, читали сказки, басни Крылова, стихи Пушкина, приключенческие романы Жюль Верна и Майн Рида. Петр слушал это с облегчением: не было ничего, с чем он не мог бы справиться. Все это было предметом и его детских занятий. Французский он знал неплохо, плавать тоже умел, словом, было все, чтобы он не выдал своей тайной миссии.

За разговорами прошло три часа. Наступило время обеда:

– Идемте, а то бабушка ругаться будет. Она очень не любит, когда опаздывают к обеду, – поторопил Павел.

– А что, бывает, когда опаздывают?

– Ругается. Поэтому лучше приходите вовремя или совсем не приходите. Николай Сергеевич иногда в город уезжает на целый день, совсем к обеду не приходит. Роман Семенович тоже. Он вообще может несколько дней дома не появляться. Бабушка потом после их возвращения бурчит, что не пристало так из дома исчезать.

– А они что?

– Чаще просто молчат. Но мне кажется, что им все равно.

Поспешили в столовую. Там был накрыт стол на шестерых человек. Гувернеру тоже полагалось место за столом, видимо, из-за простого соображения: чтобы было кому следить за поведением ребенка. Впрочем, его подчиненное положение было явно подчеркнуто: среди приборов, поставленных для Петра, не наблюдалось рюмок для алкогольных напитков. В центре стола восседала хозяйка дома Сабанеева, рядом на небольшой банкеточке лежала белая болонка – любимица хозяйки. Остальные заняли места по правую и левую руку от хозяйки. Понятно, что к Петру за столом был повышенный интерес. И хоть явно ощущалась, что теплая и непринужденная беседа за столом не является традицией этого дома (разговор велся явно для вида в форме небольших формальных реплик), Петр все же оказался в центре небольшой дискуссии.

– Что Вы закончили, молодой человек? – спросил Николай Сергеевич.

– Московский университет, юридический факультет, – произнес Петр Андреевич.

– А сами Вы откуда? – не отрываясь от тарелки с холодцом, задал очередной вопрос Петровский.

– Я родом из Твери, закончил там гимназию, – Железманов решил, что чем ближе он будет к правде, тем проще ему будет, меньше шансов запутаться и наврать.

– Тю, и после этого Вы еще себя считаете образованным человеком? – с пренебрежением в голосе произнес Петровский, отправляя в рот кусок холодца, обильно украсив его тертым хреном.

– А что здесь такого? Разве тверская гимназия – это плохо? – удивление Петра было искренним.

– Конечно, плохо. Все провинциальные гимназии – это помойки от образования, они не дают настоящих знаний. Будь моя воля, я бы их все позакрывал, – также категорично продолжал разглагольствовать Петровский.

– Тогда где учиться юношам, которые родились в провинции? – неожиданно поддержал Петра Вернов. На вид ему было чуть более 40 лет.

– А Вы уверены, что им надо учиться? Пусть закончат пару классов в училище и достаточно. Зачем им в провинции говорить по-французски и знать геометрию, читать по-гречески? Для светских салонов? Ну, наиболее достойные могут поехать в столицу учиться в каком-нибудь лицее. Я вот закончил Царскосельский лицей, теперь служу в столице. А все эти полуфабрикаты от образования все равно ничего путного в жизни не добьются.

– Полуфабрикатами Вы называете гимназистов в провинциальных гимназиях? – опять же искренне удивился Железманов.

– Они самые. Вот у нас есть живой пример, – Петровский кивнул головой на Павла. – Он тоже думает, что получает образование. А на самом деле он просто проводит время в пустом месте, которое даже не достойно упоминания. Помяните мое слово, ничего путного из этого отрока не выйдет. Жаль только зря потраченных тетушкиных денег.

Железманов повернулся к своему воспитаннику, чтобы дать сигнал промолчать и сдерживать свое возмущение. Но понял, что зря беспокоился: мальчик с абсолютно равнодушным видом копался в тарелке, только немного втянув голову в плечи. Железманов догадался, что подобные разговоры тут не в новинку. «И в самом деле, просто мешок яда какой-то. Неудивительно, что он на гувернера наговорил, что тот пил, ему гадости придумывать про других, наверное, самое большое удовольствие в жизни», – подумалось ему.

– Я поддержу брата, в самом деле, ничему хорошему эти провинциальные гимназии не учат. Я вот закончила гимназию, и пользы от этого? Так и сижу дома. Меня даже на эти хваленые высшие женские курсы не взяли, хотя я была первой ученицей в классе. Стоило ли стараться? Поэтому я тоже думаю, что можно не тратить тетушкины деньги впустую. Отдать Павла в техническое училище, этого будет достаточно.

Тут голос подала сама Сабанеева:

– А вы тут не слишком забылись? Вы еще будете рассуждать, на что мне деньги тратить? Не вашего ума дело! Когда умру, тогда и будете решать, что с ними делать, если еще, конечно, я вам их отпишу. Я в любой момент могу за нотариусом послать, захочу – все Павлу отпишу, а вы, грубияны, ни с чем останетесь.

Конечно, от такой реплики все притихли, уткнулись в тарелки и только исподтишка наблюдали, как Сабанеева наклонилась к своей собачке:

– Ууу, ты моя хорошая, все твою мамочку обидеть норовят, только ты меня любишь по-настоящему. Вот жалко только, что я могу в любой момент умереть, и некому будет о тебе позаботиться.

Потом, уже явно обращаясь к сидящим за столом, произнесла:

– Жаль, нельзя все состояние Жули отписать, собаки порой лучше людей бывают.

Видя всю эту сцену, Петр понял, почему его воспитанник такой бледный и худой: при таких разборках аппетит явно у ребенка пропадал и пищеварение ухудшалось. Поэтому или почти все оставалось на тарелке, а если что и было съедено, то не шло впрок молодому организму. Неожиданно сам для себя он произнес:

– Взаправду говорят, что в Солотче призрак появился? Говорят, он людей убивает?

Вроде не собирался за обедом сразу так с места в карьер проявлять инициативу, но все получилось как-то само собой, видимо, уж больно гнетущая создалась атмосфера за столом, что не разрядить ее было нельзя. В это время все как раз съели закуску, и подавали первое – сборную уху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.